

XV 348^а
3

№9(519) 25 марта 1935

ОГОНЕК

Подтверждаю соответствие
этих экземпляров оригиналу.

Подпись

Весна. Близится к концу учебный год. Советская школа при живейшей помощи общественности добилась нынче немалых успехов в поднятии уровня знаний и укреплении учебной дисциплины

Фото И. ШАГИНА

**ВЫСШЕГО
КАЧЕСТВА
ПУДРА
„МАСКА“**

Всесоюзное Объединение по
торговле с иностранцами

ТОРГСИН

Во всех универмагах Торгсина имеется постоянно большой выбор хозяйственных принадлежностей, фаянсовой, фарфоровой, стеклянной, эмалированной посуды, всевозможных электроприборов, как то: чайники, кастрюли, утюги и т. п., алюминиевые духовки для примусов и керсинок, патефоны и пластинки экспортного качества и лучших иностранных фирм, фотоаппараты и фотопринадлежности, радиоприемники ЭЧС-3, ЭКЛ-4 и динамики разных заводов, импортные карманные часы и пр.

**ЧИТАЙТЕ
ЖУРНАЛ
„ЗА
РУБЕЖОМ“**

Наркомвнуторг РСФСР
ГОСУДАРСТВЕНН. К-РА
почтовой торговли
„ПОСЫЛГОСТОРГ“
Москва, ул. Кирова, 47/7.

ПОСЫЛГОСТОРГ ВЫСЫЛАЕТ по почте и жел. дор. в любой пункт Союза индивидуальные заказчики, организациям и коллективам следующие товары:

ФОТО-ВЫСТАВКИ

1. Жизнь и деят. К. Маркса. 40 сюжетов, цена 40 р. 2. Жизнь и деят. Ленина. 102 сюжета, 100 р. 3. Жизнь и деят. Ленина. 102 сюжета 6 р. 200 р. 4. 17 партсъезд. Хроника. 40 сюжетов. 45 р. 5. Рель т. Сталина на 17 партсъезде. 66 р. 6. Рель Ворошилова на 17 партсъезде. 54 р. 7. Империя. 125 р. 11. Чепоскины. 70 р. 12. Первый в СССР клуб воробьев. 45 р.

МНОЖИТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ—стенограф с 2-мя стеклами—150 р., реактивы к нему ориентировочно на 3 месяца—120 р. Ротатор в 1 лист—90 р., в поллиста—80 р. Краска ротаторная 5 р. килограмм, восковая бумажная 10 к. и 12 к. лист. На множительные аппараты и восковку необходимо разрешение милиции.

СТАНДАРТНЫЕ ПОСЫЛКИ

Посылка № 9. Бумага писчая, копировальная, бумажная, записные книжки, блокноты, служебные записки, карандаши, перья, др. товары. Всего 30 предметов. Цена 50 р. Посылка № 8—Бумага писчая, копировальная, бумажная, записные книжки, блокноты, служебные записки, карандаши, перья, счеты, контрольные и др. товары—35 предметов. Цена 100 р. Посылка № 12а—чертежи. Бумажная калька, миллиметровка в рулонах, чертежные карандаши, тушь, линейка логарифмическая системы «Союз», тетради и др.—15 предметов. Цена 50 р.

КАНЦТОВАРЫ

На складах посылгосторга имеются в большом ассортименте канцтовары по всей номенклатуре: карандаши разные—от 5 до 30 коп., ручки автоматические 3 р. 55 к., блокноты от 13 до 50 к. Ручки от 18 до 85 к. Счеты контрольные от 15 до 25 руб. Логарифмические линейки «Прометей» от 13 р. 50 к. до 19 руб. «Нейстер»—20 р. Скрепки, кнопки, арифмометры «Кирья»—900 р. и др. товары.

В указанные цены включена стоимость упаковки и пересылки. Цены на товары, высланные на дальнее окраины, дороже на 5 процентов. Заказы организаций выполняются в срок до 25 дней со дня получения Посылгосторгом 50% стоимости заказанного товара, индивидуальных же заказчиков—по получении всей стоимости. Просьба писать заказ четко, с подробным наименованием адресата и указанием ближайшего почтового отделения и жел. дор. станции. Заказы и деньги шлите по адресу—Москва, ул. Кирова, 47/7, Посылгосторгу, расч. счет № 6757 в МОК Госбанка. Требуется наши каталоги по музыке, санитарии и гигиене, галатереи и игрушкам, металло-хозяйств. предметам, диапозитивам на пленке и стекле и аппаратуре к ним, муляжам и физ. приборам. Каталоги высылаются по получении 20 к. почт. маркой.

**ПРИ ОБЩЕЙ
УСТАЛОСТИ,
БЕССОНИЦЕ и как
ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО
применяется**

Фито-лецитин
(Фитин с лецитином)
КЛИНИЧЕСКИ ИСПЫТАН.

**ПРИ
АРТЕРИОСКЛЕРОЗЕ
применяется**

Саль тренеке

В таблетках и сыворотках для подкожной инъекции (клинически испытан)

**ПРИ
ОСТРОМ
РАСТРОЙСТВЕ ПИТАНИЯ У ГРУДНЫХ И МАЛЫХ ДЕТЕЙ: диспепсия, колики, применяется**

ЯКС (ЯЧНАЯ КОНЦЕНТРИРОВАННАЯ СЛИЗЬ)

ПХ ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНИГИЕНЫ СССР ПРИ ОТСУТСТВИИ НА МЕСТАХ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПОЧТОЙ ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКА

Харьков, Гомаресский бул., 1/6
Всесоюзной химико-профилактической станции Наркомздрава СССР.

ДАЖЕ не умеющий рисовать может рисовать красками материи, дерево, глиняные изделия и т. д. вышившись заочно на Государственных Сокольнического культуры - массового секта.

По окончании выдается свидетельство. Подробности за 50 коп. марками. Москва, Колхозная площадь, Панкратьевский переулок, 9/10.

ПОРТРЕТ исполняют художеств. увелич. с любой фотокарт. разм. с паспарту. 32x40; черн. — 26 р., тон сепии (коричн.) — 35 р. С упак. и перес. Лаком дор. на 2 р. Задаток 50%. Исполн. 15 дн. Москва, 47, Б. Грузинская 75, кв. 27. Худ.-фотограф. Лаз. Влад. САМОЙЛОВИЧ

Продолжается прием подписки на 1935 год
„АРХИТЕКТУРНАЯ ГАЗЕТА“

руковод. всеююзная газета — орган оргкомитета союза архитекторов СССР

Архитектурная газета — организатор архитекторов, проектировщиков и планировщиков, всех сил, работающих на грандиозно выросшем архитектурном фронте Советского союза.

Архитектурная газета — широко освещает задачи советской архитектуры и ее место в социалистическом строительстве.

Архитектурная газета — богато иллюстрирована.

Подписная цена: 12 мес. — 15 руб., 6 мес. — 7 р. 50 к., 3 мес. — 3 р. 75 к.

Цена отдельного ном. — 25 к. Требуется во всех киосках Союзпечати и книжных магазинах. Подписка принимается: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Издательством, инструкторами и уполномоченными Издательством на местах, а также повсеместно отделениями почты и Союзпечати.

рулет — дает шаржи, карикатуры имеет специальное иллюстрированное приложение к каждому номеру, где даются проекты и планы мастерских всего СССР, а также записки.

Архитектурная газета выходит раз в неделю при ближайшем и постоянном сотрудничестве всех крупнейших и лучших сил всего архитектурного фронта СССР.

Издательство Союзпечати и книжных магазинов. Подписка принимается: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Издательством, инструкторами и уполномоченными Издательством на местах, а также повсеместно отделениями почты и Союзпечати.

Издательство Союзпечати

Делегаты Второго всесоюзного съезда колхозников-ударников вернулись домой. Во всех колхозах обсуждается устав, разработанный передовыми людьми деревни при руководящем участии товарища Сталина.

В южных областях и районах Союза начинается сев. Сплоченно, организованно, имея уже хозяйственный опыт нескольких лет, встречают колхозники большевистскую весну.

На снимках: вверху — встреча делегатки съезда колхозников-ударников Марфы Ивановны Пешехоновой (свинарка колхоза им. Сталина, Воловского района, Московской обл.) в пятой бригаде колхоза „Память Ленина“; в этот колхоз тов. Пешехонова была приглашена для доклада о съезде (фото Н. Кубеева, Моссоюзфото); внизу — обсуждение устава в колхозе имени 15-летия Республики немцев Поволжья (Сталинградский край); доклад делает делегат съезда колхозников-ударников тов. Косов (фото Маклецова, СФ).

ЯСНЫЙ сентябрьский день. Высокое синее небо.

От леса, поблескивая, тянутся ленточки рельс. По ним спускаются поезда.

Со звонкими чайниками, пассажиры мелькают в запятенных окнах. Проводники неспеша открывают вагонные двери, словно имеют дело с нестерпимыми шкафами.

Первым пассажиром выходит запах фруктов.

Поезд пришел с юга.

А впечатление такое, что не он к городу, а дома с садами, как при фартуках, сбегались к нему.

Этот город, где середь бела дня на глазах у милиционера вороны выют гнезда; где всего две телефонистки, штопающие у регистра чулки. Обращаешься к такой телефонистке запросто: «Дайте товарища Эдемского». Она считает себя обязанной спросить: «Квартиру или кабинет?» «Нет, — отвечаешь ей, — квартиру, пожалуйста»...

Я чуть было не забыл, что в городе есть завод. Какой завод? — Гвоздиль-

ЛУК

— М. СКОРОХОВ —

— Не Маруся. Подожди, как ее... — вспоминал парень. — Катька, — сказал он. — Катька это замужем-то померла.

— Ну Маруся, Катька — кака беда!

Старик вздрогнул от дребезжащего удара станционного колокола. Он как-то всем туловищем повернулся и кивнул на него:

— С колокольни, должно, сброшен. Треснул. — сказал он, а сам подошел к нему и начал осматривать. Щелчком ударит и ухом к краю приложится. Ударит — и слушает.

— На нем по славянскому написано — не пойму. Да только знаю — с блин-

Пад наказом такого-то? — Да, — отвечает Иван Петрович, — смеюсь над наказом такого-то. «А вы знаете, говорит Троельников, я со стариком согласен, у него голова работает, только не в силах выразить, что думает. Исно дело, о колоколе».

— Ну-у и сказал — голова работает?.. У старика заблестели глаза.

— Да, — продолжал парень, — говорит: «Голова работает и я с ним согласен». А раз Троельников согласен — будь покоен, ход делу открыт.

— Вот и я так думаю — делу ход будет.

— Забыл, как у тебя в наказе-то...

— А в наказе у меня так, — перебил старик, — всего в две странички. Я писал: лежишь утром и завсегда тебя самый сон разбедает. И вдруг, понимаешь, гудок — гу-у-у-у. А вставать не хочется, сон, говорю, разбедает. А думаешь себе, вставать надо — от этого многое зависит. И то и се. Гудок вдругорядь гудит, и как бы немножко не по себе делается. А вставать надо — от этого многое зависит. Станок. Строитель-

ство.

— Правильно! — сказал парень. Умом осознаешь, что вставать надо, а нет чтобы серднем! Отчего бы? И ударник ты и не лодырь и все понимаешь, а вот что получается. Между нами говори, в гудке обхожденья с человеком нет. Не совпадает он с теперешними условиями. На душу не действует. Орет! А что? Вот я — старый рабочий, — раб-о-тал! И с тех пор гудок на меня в плохую сторону действует. Напоминает мне. Нету в нем объяснительной ноты. Где же музыка?! Ты молодой и скажи, пожалуйста, почему улицу Божедомку ли, Спасскую ли, еще какую — переименовали? Чтобы старое, трясиное не вспоминалось. А почему гудок заменить не можем? Где же музыка?

— Ну, нет, знаешь ли, это сложно-вато, — прикуривая у старика, сказал парень.

— Как хочешь, а в этом до попов далеко. Я конечно так в наказе не писал.

Следующие слова старик выдохнул:

— Ка-а-ак они колокола лили! — вдохнул другие: — как они заставляли их лить! — Он покачал головой: — С любовью. И серебрепа для голоса подольют и то и се. А у нас как гудок устраивают? Отольют для него набалдашник, прикрутят его к трубе, пустят по ней пар и думают все в порядке. А он — фр-р-р... А объяснительной ноты, что ясный труд тебя ждет, этого в нем нету.

Тем временем на станции все пришло в движение. Видно было, что с минуты на минуту ожидают поезда. Дежурный выбегал убедиться — свободен ли путь, открыт ли семафор и вывезен ли багаж. Из трубы будки-кипятивильника выныривал дым. Стрелочник разговаривал с паровозом. Ругал его и велел осадить. Паровоз отвечал стрелочнику тихими звуками, словно поломал горло.

— Ясное дело, не о таком гудке речь, — сказал старик.

— Понятно, — ответил парень. — Этот гудок пугать должен — на нервы действовать, разговаривать. А заводской — особый!

Под товарными вагонами сизари клевали крупу. Когда рыжий осмотрщик, ударяя по колесам молоточком, близко подходил к ним, они, свистя крыльями, взлетали на вагонные крыши.

— Сизари, — сказал парень. — А сколько их было! И куда подевались?

Тем временем на станции все пришло в движение..

Рис. худ. Н. КУЗЬМИНА

ный. Парень, сидящий на узелке, сказал, что он там работает. Куда ему ехать? — А ехать ему недалеко.

Рядом с ним на выкрашенном сурьмом сундуке сидел старик. Он был в рабочей спешковке, хотя в лаптях. Заметно, он откусывал бороду, чтобы в деревне не осмелили — пятьдесят пять лет, а все молодится.

— Дед, а дед, — сказал парень. — Я ведь тоже с тех мест, из Смальчакова. — Чегой-то не знаю.

— Ну, это от станции верет пять. А ты думал за лесом? Не-ет, это верет пять от станции. А за лесом там Федоровское.

— Вот Федоровское знаю, — сказал дед. — Там еще Рассохино.

— Во, Рассохино. За лесом. Где Федоровское.

Парень нашел земляка и разговор повел вглубь:

— Вот в Рассохине можже встречал Ивана Кузьмича. Его все знают... Ну тогда дядю Егора, забыл как ему...

— Чегой-то не знаю, — сказал дед. — Я Иванеевых вот знаю. У них Маруся, девка твоих лет, в позапрошлом замуж в Москву вышла, — пожила две недели — померла.

ней он церкви. Я мальчишкой был и у попа выпрашивал позвонить. Да-а... — старик задумался. — Припоминаю, в этот самый колокол звонил. Ты на меня внимание не оборачивай, ты — с гвоздильного?

— С гвоздильного, — ответил парень.

— А меня знаешь?

— О тебе — слышал.

— О тебе слышал, — повторил дед.

Ну, а что ты обо мне слышал?

— Это ты наказ-то новому горсовету дал. — парень расхохотался во все тридцать два зуба. — Мы когда обсуждали наказ-то, Иван Петрович, начальник, как обхватил руками колени — слова не мог выговорить — до чего смеялся! В слезу его прошибло. Мы говорим, что это вы, Иван Петрович? Да как же, говорит, с этим стариком почнешь дело иметь, так тебя и в смех и в слезы. Лук — это он про тебя говорит, — ей богу, лук, а не человек!

— Кто это, — я лук? Хе-хе-хе! — засмеялся старик.

Парню, видимо, не понравилось, что рассказ его перебили. Он сказал громко:

— Слушай, что дальше буду говорить! — потом тихо и спокойно: — Ну, а тут как раз входит Троельников. Входит, значит, Троельников — парторг, будто все зная. «Над чем, мол, смеетесь?

Старик пальцем смахнул с папиросы пепел:

— Эта птица любила из рук корм брать. Раньше все больше у церкви. Картина есть — паперть, значит, и старушка стаю прикармливает.

Он затянулся, и огонек с папироски затрещал в его бороде.

— Ты вот спрашиваешь, куда они подевались. А я тебе скажу, — старик медленным плевком загасил окурок. — А в цехе у нас мало ли их? Теперь к церкви силком не затащишь. Кто там кормить-то будет? Голодно! Вот они и разлетелись, кто по элеваторам, кто

по железным дорогам, кто по заводам. Пришлось за перышками не очень следить, хе-хе-хе, поизмарались, грязными стали. Зато как сытно им теперь! На некоторых людей схоже...

Парень не слышал последних слов. Он вспомнил, как в детстве водил голубей, как умел свистать и подпускаться. Хотелось и сейчас завести стаю. Хорошо бы парочку почтарей! Но где свободное время? Нет времени. И парень сказал:

— Верно, чумазыми стали и ко всем машинкам привыкли. Кран по верху идет — они на нем туда-сюда развез-

яют. Я их покличу «гуль, гуль, гуль», так какие побойчее — слетают. А из им крошки из кармана. А то утром подойдешь к станине, смотришь, а на ней кое-где одинокий помет. Безобидный такой. Вот, понимаешь, приятно почему-то.

От леса по паутинкам рельс спустился поезд. Первым пассажиром вышел запах фруктов. Он долго после ухода поезда бродил с корзинами по платформе и станционным помещениям.

Освободившиеся в вагонах места заняли пассажиры с железными сумками и сумками. Это был запах металла, машинного масла и махорки.

ТОЛЬКО самые простые души способны понимать жизнь вещей. Это труднее, чем теория относительности.

У Вильябона из Арроаса были часы, служившие предметом изумления всей роты, один из тех гигантских хронометров, которые прежде фабриковали немцы, чтобы доказать, что Германия кайзера велика во всем. Глаз циклопа, вагонное колесо, стальная луковича. И уже тогда чувствовал влечение к литературе, и помню, что пользовался этими сравнениями, чтобы определить этот единственный в своем роде экземпляр часов. Но, несмотря на такие размеры, это были не багетные, а карманные часы. Ясно, что уместиться они могли только в карманах Вильябона, что-то в роде мешков внутри штанов, размеры которых неизменно вызвали гнев у дежурных сержантов.

Но прежде чем я расскажу историю часов Вильябона, послушайте его краткую биографию.

И познакомился с ним в казарме вскоре после нашего вступления в армию по случаю поражения при Ангуале. Он не решился уехать в Америку, и его родители, небогатые крестьяне, оплатили его обмундирование деньгами, предназначенными для переезда через океан. И вот Вильябона, деревенский парень, записан в роту среди сеньорито.

Вильябона получил приказ — явиться в лагерь утром в день своей свадьбы. Вильябона был элементарным существом, унаследовавшим сельскую неприхотливость, и прямо из церкви отправился пешком в казарму своим медленным и спокойным шагом. Невеста осталась нетронутой под своим воскресным платьем, как капитан в своей темной скорлупе. В роту знали этот эпизод из жизни Вильябона и ехидно спрашивали его:

— И она одна провела ночь, Вильябона?

— Одна.

— Бедняга. Тогда зачем же ты женился?

— Не все ли равно — лишнюю козову содержать.

— Ну и дурак!

Часы Вильябона приобрели в казарме известность. Солдаты из роты приходили к нам познакомиться с этим произведением искусства. Вильябона отказывался показывать часы, но в конце концов извлекал их из кармана, и они лежали у него на ладони, как черепаха на столе. Любопытный солдат глядел на них с такой же опаской, с какой глядят на прирученного мамонта. Вильябона улыбался в ответ; его счастливую и добродушную улыбку можно было перевести так:

— Видишь, я же не боюсь. Они смиренные.

ЧАСЫ

— Хосе Диас ФЕРНАНДЕС —

Но настоящую славу часы приобрели во время смуты, за несколько дней до нашего отправления в Марокко. Сержант Аранго торопливо выстроил нас, потому что всегда опаздывал. Среди молчащей шеренги часы Вильябона хрипели, как лиса в западне. Первым прошел лейтенант, близорукий и рассеянный, и, несмотря на это, остановился раза три, определяя причину необычного шума. Потом прошел высокий, горбоносый капитан. Он прислушался, ничего не сказал и несколько минут беспокойно косился на углы, пока не появились вместе, громко споря, комендант и полковник. Сейчас же:

— Рота! Смирно!

Полковник был полным, сердитым стариком. Он начал с того, что арестовал второго по флангу.

— Почему он без усов? — спросил он, показывая на Переса, безбородого парня, занимавшегося математикой.

— Потому что... видите ли, господин полковник...

— Довольно, довольно! Я говорил, чтобы все были острижены под машинку и носили усы. Мне не надо барышень в моем полку. Усы! Усы!

Эта чрезмерная похвала усам вызвала в остальном начальстве видимое огорчение. Все смотрели на бедного Переса, как на еретика, опешенца, плохого солдата Испании. Перес дрожал.

— Видите ли, у этого солдата не растут усы, — осмелился сказать капитан.

— Тогда в карцер его, пока не вырастут!

После этого словесного взрыва тишина стала еще глубже и тоскливей. Часы Вильябона тикали отчетливо и громко, как никогда. Папическая дрожь пробежала по шеренге. Полковник смотрел на коменданта, капитан на лейтенанта.

— Что такое? Здесь крысы? — произнес полковник, обводя взглядом пол.

— Господин полковник... — пробормотал капитан.

— Крысы. Крысы в казарме! Это недопустимо.

Тогда взводный Карлос Кабаль сказал своим надтреснутым голосом:

— Это часы Вильябона.

— Часы! — вскричал полковник. — Где они, где они?

Вильябона, трясаясь, отстегнул ремешок и вытащил из кармана причину такого переполоха.

Удивление начальства перед чудовищным аппаратом было неописуемо.

— Какое варварство! И это — часы? Как вы допустили, господин капитан, чтобы ваш солдат носил при себе эту машинку?

Все мы думали, что после этой сцены капитан отшлет часы Вильябона в артиллерийский парк, но было иначе. Вильябона и в Африке продолжал таскать свои часы в походах и в карауле.

Одни новоспеченный капрал усилил охрану лагеря при странном шуме часов Вильябона. Сам Вильябона вне служебных обязанностей осовело сидел в углу барака. Можно было подумать, что тиканье часов было ласковой речью, понятной одному Вильябоне. Другим темным сердцем, затерявшимся среди лагеря, таким же непонятным, как сердце Вильябона.

Мы стояли в Соко Эль Абраз и готовились к бою с Райзуни и Касарте. Уже больше года провели мы в Африке. В эти дни в роту заговорили, что у Вильябона родился сын.

— Правда это, Вильябона?

— Отец так пишет.

— Но ведь ты больше года не видался с женой?

— Да.

— Значит...

Вильябона пожал плечами.

— Когда ты вернешься домой, тебя встретят еще трое детей.

— И хорошо.

И он даже улыбался, словно ему льстила мысль об этом неожиданном потомстве. Как будто этот обильный урожай детей посылал ему святой — покровитель его прихода.

Однажды утром я получил парад охранять посланных за водой. Послал и Вильябона. Во время развешивания цепи мавры, укрывшись за холмами, обстреливали нас. Это была вылазка, постоянно практиковавшаяся в этой войне. Когда сержант снова собрал нас, недоставало Вильябона. Мы напугали его за калтусом, плачущим и с разбитыми часами в руках. Неприметная пуля разбила их. Часы спасли ему жизнь, но Вильябона плакал тихим, безутешным и уторным плачем.

— Полно, — сказал ему офицер, — чего ты ревешь? Тебе радоваться надо. Жизнь дороже часов!

Солдат не слышал. Он всхлипывал над останками часов, как будто его жизнь не имела никакого значения по сравнению с этим механизмом, который распался навсегда. Умер.

Перевод с испанского

Б. ЗАГОРСКОГО

Письмо из Киева

(От нашего корреспондента)

Фото Ф. Петрова и О. Мартынова

«Снайпер», скульптура Б. Иванова

«Любовь», худ. Ержиховского

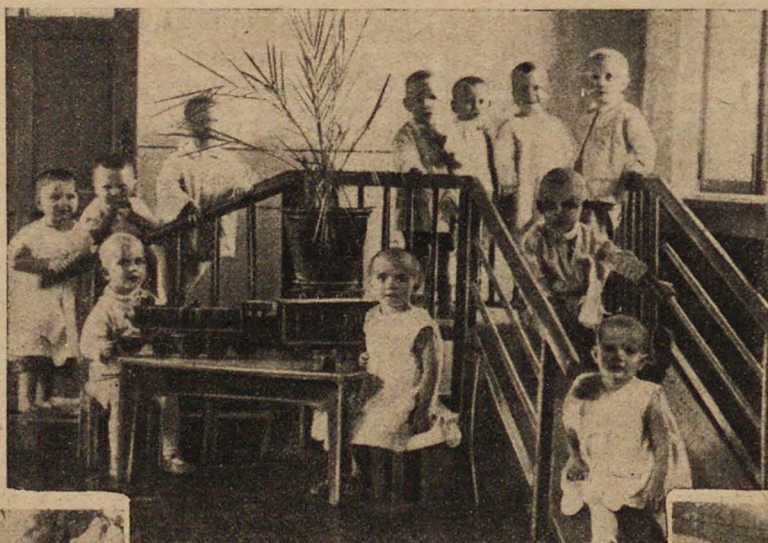

«Изотовцы», деталь карт. худ. Азовского

«Красные вступают», худ. Борисенко

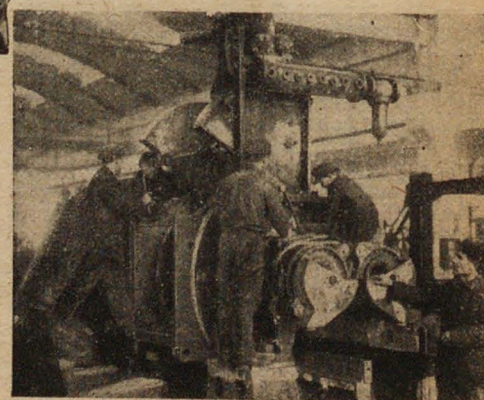
Недавно в Киеве был устроен детский базар, на котором ребята могли приобрести все товары, интересующие их. На нашем снимке показан плодосвошный отдел базара. Школьники покупают фрукты по удешевленным ценам.

На Киевском машиностроительном заводе «Большевик» освоено производство резиносмесителя — сложный машины, заграничный тип которой обходился в 45 000 руб. золотом. Первый резиносмеситель уже отправлен на Ярославский резиновый комбинат.

Рабочие киевского Краснознаменного завода заслуженно гордятся своими детскими яслями. На месте, где в 1918 году юнкера и гайдамаки расстреливали рабочих, сейчас построен чудесный двухэтажный дом. Образцовые ясли прекрасно оборудованы, они размещены в шестидесяти комнатах и обслуживают до 500 ребят в возрасте от двух месяцев до четырех лет. В книге записей имеются восторженные отзывы о яслях не только советских врачей и педагогов, но и посетивших ясли специалистов Америки, Англии и других стран.

БАБУШКА ПЬЕТ ЧАЙ

Юрий ВОЛИН

ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ о фаршированной рыбе? Знаете, щука по-еврейски. О бульоне с оладьями? Наконец, о стаканчике вина?

Особых возражений против всех этих вещей я не находил. Но по какому поводу такое пиришествие? И неужели только ради этого Гутман вызвал меня «срочной телефонограммой» из совхоза за 40 километров от городка? С фотографом Гутманом у нас были чисто деловые отношения: он делал съемки по моим указаниям.

— Вы на меня не сердитесь, — благодушно говорил Гутман. — Дело в том, что сегодня еврейская пасха. Я — человек не религиозный. Вы убедитесь в этом, когда подадут на стол свиную котлету. Но у меня есть бабушка. Это для нее мы каждый год устраиваем пасхальный ужин. Она требует, чтобы все было по форме.

По совести говоря, я был доволен этим маленьким приключением. Я устал и рад был отвлечься на несколько часов.

— Ехали хорошо? — спросил Гутман.

— Да. Вышло удачно. Кондратьеву, начальнику политотдела, как раз надо было на бюро райкома, он меня довез. В дороге он рассказывал интересные эпизоды гражданской войны. Он на этом участке воевал и здесь заработал свой орден.

— Назад вы уже утром поедете, — сказал Гутман. — Переночуете у меня, а с утра машины всегда бывают.

— Нет, Кондратьев обещал заехать за мной после бюро.

Гутман взволновался:

— Товарищ Кондратьев заедет сюда? О, это великолепно! Может быть он не откажется посидеть с нами, попробовать щуку по-еврейски.

Мы перешли из первой комнаты — приемной провинциального фотографа, уставленной декорациями, увешанной фотографиями, — в тесную жилую комнату.

Стол был убран по-праздничному. Ввели бабушку. Это было маленькое существо с восковым личиком, с закрытыми глазами, укутанное в пледы и платки. Ее осторожно усадили в кресло, обложили подушками.

— Яков, надо начать... — произнесла бабушка каким-то далеким голосом. Было похоже, что это где-то за стеной говорит девочка-подросток.

Гутман заговорил, обращаясь ко мне:

— Начать — это значит, что я должен приступить к чтению длинной повести об исходе евреев из Египта. Но она, наша бабушка, уже не видит и не слышит. Наша беседа доносится к ней отдаленным гулом. Мы обыкновенно пользуемся этим временем для самых разнообразных разговоров. Сегодня, если вы ничего не имеете против, я расскажу вам про нее, про нашу бабушку. Я расскажу о том, что случилось пятнадцать лет назад вот в этом самом доме, с этими самыми людьми.

Рассказ Гутмана течет спокойно, немного напевно, по временам взволнованно. Не только глухая бабушка, но и здоровый человек за стеной или в некотором отдалении мог бы принять это за ревностное выразительное чтение библейской истории.

— Я расскажу вам о том, как наша бабушка однажды захотела чаю. Мы, то есть я, мой отец и вся наша семья,

привыкли во всем угождать бабушке. Она этого заслужила. Она прошла долгую и тяжелую дорогу трудовой жизни. Она выходила и воспитала многих сыновей, дочерей и внуков. Как же можно отказать бабушке в такой малости — в стакане чаю.

Но это требует пояснения. День был совсем особенный, и обстановка для чаепития самая неподходящая. С той стороны Днепра наступали белые. Какие белые? Честное слово, не могу вспомнить. Это было десятое, а может быть двенадцатое наступление на наш городок. Они там, за Днепром, думали, что у нас сосредоточены большие силы и потому открыли огонь по городку. На самом деле никаких военных частей у нас не было. Ядра попадали в синагогу, разрушили элеватор, зажгли жилой дом, убивали людей, ни с какой стороны не причастных к войне, стариков, женщин, детей... Само собой разумеется, что люди попрятались в погребах, особенно евреи. Они прятались от ядер, а еще больше от людей, которые придут вслед за ядрами. Они уже знали, чем пахнет приход новых беляков. Все сидели в погребах, и наша семья тоже. Только я, мой отец и бабушка — мы были наверху, вот в этой комнате. Так пришлось, все из-за нее, из-за бабушки. Она перед тем упала, вывихнула ногу и лежала в гипсе. Трогать ее нельзя было, оставлять одну тоже нельзя. Будь, что будет, решили мы с отцом и остались при ней.

До того дня мне в общем везло: я уцелел, хотя не раз моя жизнь висела на волоске. Меня спасало мое ремесло. Скажу вам больше: мое ремесло меня кормило. Это было удивительно. Мой отец кровельщик, но уже с начала войны у нас перестали строить дома и даже чинить старые крыши, он был без работы. В том году были без работы портные, сапожники, кузнецы, столяры, грузчики. А я, фотограф, был завален работой. Люди любят сниматься. А когда смерть смотрит из каждого угла, люди снимаются особенно охотно. В годы войны снимались уходящие на фронт, снимались жены и дети, чтобы отослать фотографию в окопы. Потом, в годы гражданской, снимались белые, снимались банды, группами, в одиночку. Однажды ворвались ко мне громилы, выломали дверь. Их цель была — разгромить еще одну семью. Но, увидев фотографии и аппарат и эти нарисованные деревья, они потребовали, чтобы я их заснял, развалились с гармонкой на полу на фоне деревенского пейзажа... Самые мирные люди...

Я сильно надеялся на мое ремесло: оно вызвало из разных бед. Но из-за Днепра летели ядра, а потом начали делаться пули: наступающие подошли к самому берегу. Наш дом стоит лицом к Днепру. Прекрасная мишень. Пуля не различает фотографа от кузнеца. А мы сидим здесь: бабушка, отец и я. Одна пуля уже пробилла стекло и вонзилась в стену. Это было безумие — сидеть здесь. Надо было хоть лечь на пол. Но в это время бабушка говорит:

— Дети мои, я хочу чаю.

Бабушка хочет чаю. Мы не привыкли ей отказывать. Но на этот раз мы пробовали ее убедить — она тогда еще не потеряла слуха.

— Бабушка, это очень трудно, это опасно, — говорил я, — самовар мы ставим на открытой веранде, нас подстрелят, как куропаток.

— Ничего, дети мои. Не бойтесь, все будет хорошо. Я хочу чаю.

Мы пробовали подойти с другой стороны.

— Бабушка, вы забыли, что сегодня суббота. Разве можно в субботу зажигать огонь?

Но она была непреклонна.

— Для больной старухи можно. Я вам говорю, поставьте самовар.

Ничего не поделаешь. Мы с отцом по очереди возились с самоваром на крыльчке перед домом. Улица была пуста. Время от времени пролетала пуля.

Вдруг на улице показывается человек в шинели. Он идет быстро и деловито, направляется прямо к нам. У дверей останавливается.

— Кто из вас фотограф?

Я отзываюсь.

Он берет меня за руку, входит в комнату.

— Никто нас не слышит? — Я показываю его. — Есть дело. Вы должны снять меня сейчас же, сразу сделать карточку. Можно?

— Если надо, то можно.

— Но это не все. Я должен выйти на карточке офицером.

— Вы будете офицером, — говорю я.

Я быстро принимаюсь за работу. Из бумаги я вырезаю эполеты, рисую на них просветы и звездочки.

— Георгиевский крест нацепить? — спрашиваю я.

— Награждай георгиевским. Так и быть, — с улыбкой говорит он.

Мне нравится этот человек, его бледное лицо, несколько воспаленные глаза. А может не от того мне так легко работать, что лицо у моего клиента симпатичное, а от того, что я чувствую какую-то нужную и важную цель, я ощущаю большой смысл в моей работе.

Снимок сделан. Я быстро проявляю, печатаю. Мы ни о чем не разговариваем. Он не торопит меня, хотя я вижу, как чутко прислушивается он к звукам на улице, я вижу, как считает он минуты.

Наконец, фотография готова. Красивый штабс-капитан с георгиевским крестом смотрит на нас с карточки. Мы оба любимся удачной фотографией.

— Сколько вам заплатить?

— Нисколько. Одна только просьба: заберите и негатив, чтобы у меня никакого следа не было.

— Правильно.

В эту минуту через комнату проходит отец с кипящим самоваром в руках.

— Уже, — говорит он, — уже перешли мост. Уже бегут сюда.

Мой клиент бледнеет, быстро направляется к двери. Я забегаю вперед, выглядываю на улицу. Останавливаю его:

— Поздно!

— Чорт! — ругается он. — Я вас всех загублю.

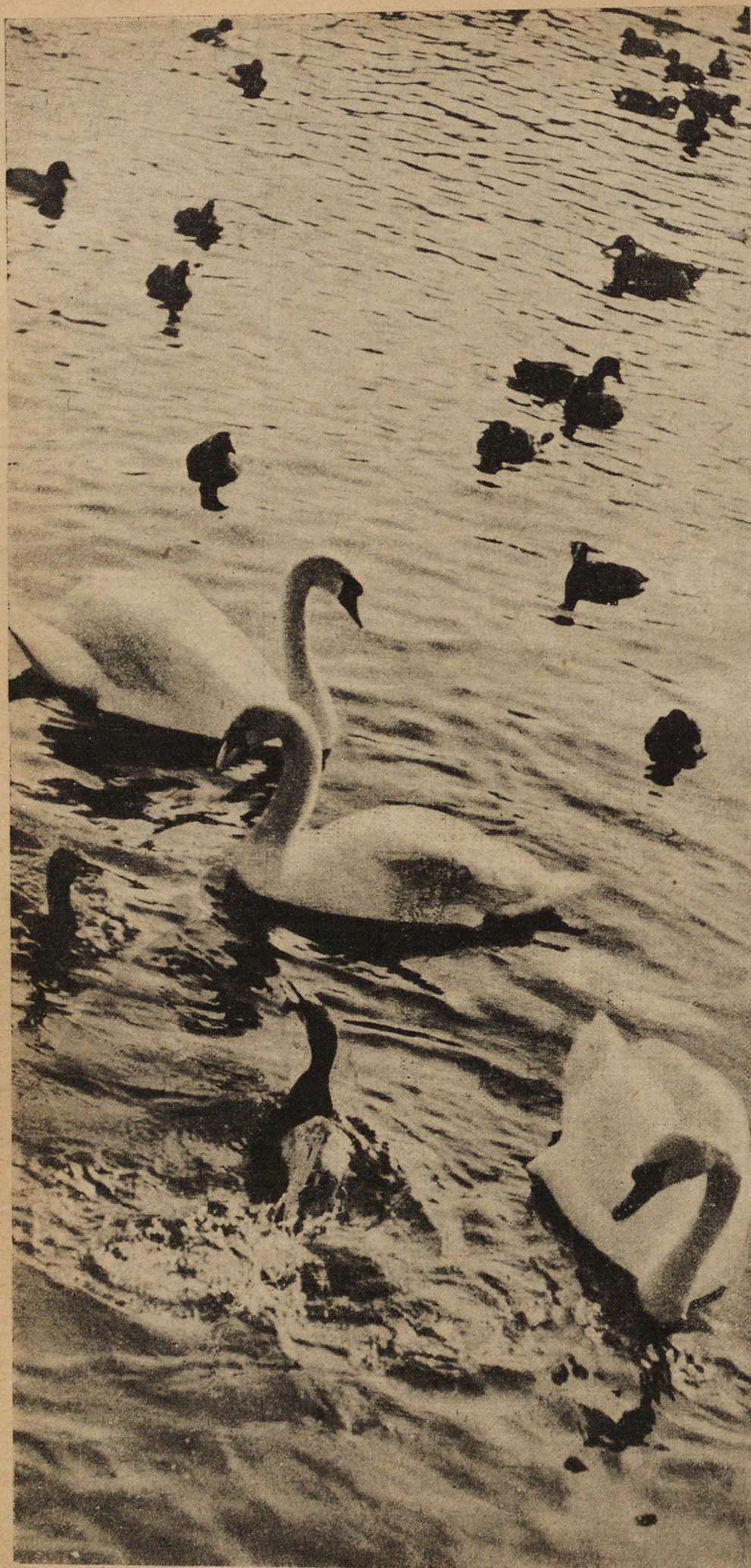
Я быстро соображаю. За декорациями? Нет, не годится. В подвал? Это опасно и для него и для тех, кто там собрался.

— Сюда! — я веду его в эту комнату и указываю под кровать.

Он залезает. Я засовываю туда всякое барахло.

Бабушка слышит движение.

— Что там, Яков?

— Ничего, бабушка, — я подвинул сундук.

Но она делает мне жест рукой и, когда я нагибаюсь, шепчет:

— Еврейское дитя?

— Свой, свой, — успокаиваю я ее. — Только не подавайте виду.

Сколько прошло времени, сказать не могу. Я не какой-нибудь Эйнштейн, но что время — вещь относительная, я знаю давно. Есть минуты, которые гнутся, как год, и есть часы, которые проносятся, как минуты.

Одним словом, они пришли. Вошел франтоватый офицер с двумя солдатами. Горделиво осмотрел комнату, на меня взглянул так, как будто перед ним не человек, а пресмыкающееся, прямо облил презрением.

Но я держусь.

— Делаю группы, увеличиваю.

— Ладно, ладно, заговаривай зубы... Коммунист?

— Фотограф, господин полковник.

— А где у тебя спрятаны комиссары?

— У меня двери открыты, господин полковник. Жду заказчиков. Да вот уже два дня никто не входил.

— Обыскать! — коротко скомандовал офицер.

Я не буду рассказывать, как я себя чувствовал. Вот этот клок седых волос появился у меня за тот час.

Очень тщательно искали в мастерской, в сених, потом вошли сюда.

— А это кто?

— Бабушка, больная.

— А ну посмотри, что за бабушка!

Солдат подошел вплотную к бабушке, нагнулся.

— Так точно, бабушка, — докладывает он, да — еще и слепая.

Бабушка пила чай. Полулежа, она держала в руках чашку чаю.

— И вниз заглянуть, ваше-ство?

— Загляни.

Солдат нагнулся. Но в тот же момент отскочил, схватившись за руку.

— Бишь, проклятая, обожгла!

И одновременно завизжала бабушка:

— Ой, нога! Ой, чай пролила!

— Брось ее, — сказал офицер и, обратившись ко мне: — придешь завтра в штаб.

Когда они ушли, бабушка спокойно сказала:

— Яша, налей другую чашку. И он пусть вылезет, выпьет чайку.

Гутман закончил свою пасхальную повесть. Бабушка сказала:

— Теперь кушайте, детки.

Мы энергично взялись за фаршированную рыбу. Бабушка ничего не ела. Ей налили чаю, и она, причмокивая, как малый ребенок, тянула из блюдечка.

Раздался стук в дверь. Гутман вышел и радостный, покрасневший от восторга, ввел Кондратьева.

— Ну, уж я вас не выпущу, товарищ Кондратьев. Вы должны покушать фаршированной рыбы.

— Что ж фаршированная рыба — это вещь, — своим густым бархатным голосом сказал Кондратьев.

Он уселся, внимательно осмотрел комнату, с хитрецей улыбнулся и спокойно сказал:

— А бабушка все еще пьет чай!

Гутман встал. В голосе его были торжественность и взволнованность.

— Я давно догадывался, товарищ Кондратьев! И теперь у меня к вам большая просьба. Я снял вас с георгием, разрешите снять вас с этим орденом.

НА РАЗНЫЕ ТОМЫ

„ОТНОСИТЕСЬ ЧЕЛОВЕЧНЕЕ К БЕЗРАБОТНЫМ“

Под таким заголовком французская газета «Эвр» помещает статью, в которой автор приводит яркие примеры того, каким издевательствам и бюрократическим ухищрениям подвергаются безработные в Париже.

«Один парижский рабочий, — пишет автор, — проработал 17 лет на одном и том же заводе. Три года тому назад он вынужден был из-за болезни дочери поселиться за городом.

Став безработным, он в течение восьми месяцев получал пособие из специального фонда той общины, где проживал.

Затем ему удалось снова найти работу в Париже. Дочери стало лучше и он, чтобы сократить расходы, поселился в городе, поближе к предприятию.

Через три месяца его снова уволили. Право на получение пособия он потерял, так как потерял место жительства. Он утратил, а в Париже ему отказывают в регистрации по безработице под тем предлогом, что он проживает в Париже недавно. Бесконечно тянется волокита по вопросу о том, где он имеет право зарегистрироваться, а в доме тем временем нет ни куска хлеба.

Один служащий, потеряв место, шесть месяцев прожил, не становясь на учет, тратя свои скромные сбережения. Через шесть месяцев, прожив последние гроши, он явился просить карточку безработного. Ему отказали. Он нарушил установленные правила. О чем он думал целых шесть месяцев? Если бы он сразу посетил на общественную помощь, все было бы просто. И теперь, проработав 20 лет, он рискует умереть с голоду из-за того, что захотел поступить благородно.

У одного безработного, отца троих детей, из которых двое серьезно больны, оштрафовано судебным исполнителем все имущество за неуплату квартирной платы. Два раза в неделю его таскают в полицию и требуют, чтобы он освободил помещение. Куда он пойдет?»

Автор заканчивает статью призывом к депутатам парламента сказать над безработными, оградить их от жестоких и бесполезных издевательств, которые сводят несчастных с ума.

ДИРИЖАБЛЬ ДЛЯ СПАСЕНИЯ НАПОЛЕОНА

Этот дирижабль никогда не был построен, но его проект был разработан брюссельским инженером бароном Жаном де-Колен, который состоял на службе у Наполеона до поражения его под Ватерлоо.

Проект был единодушно одобрен рассматривавшими его экспертами, но перед тем, как строить дирижабль и лететь на остров святой Елены для спасения Наполеона, Жан де-Колен отправился просе-

товаться с братом Наполеона, эскороном Посифом, который жил в Америке под именем графа Сюрвилле.

Посиф Бонапарт уверил бельгийского инженера, что его знаменитый брат требует, чтобы для его освобождения не предпринималось никаких попыток.

Сохранился ли план дирижабля в чьих-либо семейных архивах — неизвестно.

«Фигаро», Париж.

«САМОДЕРЖЕЦ» АШАНТИ НА ЗОЛОТОМ ТРОНЕ

Голд-Кост (Золотой берег) — британская колония на западном побережье Африки. Она охватывает территорию, населенную различными негритинскими племенами, среди которых преобладают негры ашанти. В Голд-Косте всего около 400.000 жителей. Главный город колонии — Кумасси.

В XVII веке все ашантийские племена объединились. Тогда именно был основан город Кумасси, и в нем, в знак единения племен, был сооружен золотой трон.

В XVIII веке федерация племен ашанти была очень сильна, но постоянные стычки с другими народами Африки привели ее к серьезным столкновениям с европейцами.

В конце XIX века Англия, окончательно поработившая к тому времени Золотой берег, не раз снаряжала против ашанти карательные экспедиции. В 1900 году ашанти восстали против англичан. Восстание было подавлено, король ашанти Премией I был, подобно Наполеону, отправлен в далекую ссылку, а власть Великобритании в Голд-Косте с тех пор неограничена.

В 1924 году Премией I получил разрешение вернуться в свою страну; он умер в 1931 году, занимая в Кумасси мелкий административный пост. В настоящий момент Англия согласилась восстановить в Кумасси золотой трон — символ бывшего величия ашанти. Восседать на этом троне будет в торжественных случаях английский резидент.

Обо всем этом сообщает своим читателям лондонская газета «Таймс», сопроводив сообщение рассуждениями о величии Англии.

«РАДИО СПАСЛО ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ»

«Недавно, в один из дождливых холодных вечеров, миллионы французских развлекались, слушая по радио концерт из Парижа.

Внезапно концерт был прерван. Раздался голос известного парижского врача, который бросил в эфир призыв прислать ему немедленно одно редчайшее лекарство, если оно у кого-либо найдется.

Этот врач был вызван к больному и, осмотрев его, установил, что он болен редкой инфекционной болезнью, распространенной на востоке и почти не встречающейся в Европе. Разносил инфекцию этой

болезни вошь, собачий клещ и москиты. Она давала прежде до 96% смертности. Но с тех пор, как индусский ученый Брама Шари, изучив болезнь, изобрел против нее лекарство, соотношение стало обратным — смертность не превышает 4-х процентов.

Естественно, что парижский врач решил лечить своего больного именно этим лекарством, посылав название «Уреа-Стибамин». Но его во Франции не оказалось. Случайно он нашел две дозы лекарства у одного из своих коллег, но дальнейшие поиски ни к чему не привели, а больному опять стало хуже.

Вспомнив, что у него есть друг в дирекции радиовещания, врач обратился к нему, и тот немедленно устроил ему доступ к микрофону.

Как только сообщение по радио было сделано, посыпались телефонные звонки:

— Я ассистент д-ра Л. Н. моего патрона недавно был такой случай, и в его клинике безусловно есть еще «Уреа-Стибамин».

— Говорит мадам Д. Мой муж — врач в Индии. Я сейчас ему телеграфирую, и он вышлет лекарство воздушной почтой.

— Доктор, моя внучка была спасена лекарством, о котором вы говорили, у меня есть еще одна ампула. Посылаю ее вам.

Из Марсели пришла телеграмма: «Слышали. Профессор Ларье имеет Стибамин. Постараемся выслать».

Обещание было выполнено. Профессор Ларье и бабушка спасенной внучки лекарство прислали. Больной спасен.

Не примирит ли этот случай с радио тех, кто ненавидит его за постоянный шум?

Французская газета «Ле Пти Журналь», напечатавшая эту заметку, совершенно права, отмечая поведение врача и отзывчивых граждан как случай, заслуживающий внимания. В европейских странах внимание общественности к отдельной человеческой личности — явление редкое.

Что же касается заголовка заметки, то он нам кажется слишком сенсационным. Мы знаем более поразительные случаи спасения человеческих жизней, в которых большая роль принадлежит радио. Достаточно упомянуть спасение челюскинцев...

ЧУДОВИЩА ОСТРОВОВ ГАЛАПАГОС

На островах Галапагос (Тихий океан) до настоящего времени водятся огромные ищерицы-игуаны, напоминающие по своему виду легендарных драконов.

Д-р Поль Берч, работник Национального музея в США, недавно установил, что эти животные обладают необычайной способностью — умирать по собственному желанию. Несколько таких ищериц, пойманных д-ром Берчем, умерли внезапно, без всякой внешней причины. Одна из них отчаянно сопротивлялась вначале, затем затихла. Через некоторое время она вздрогнула и умерла. Сначала думали, что это хитрость, но животное оказалось действительно мертвым.

До сих пор не установлено, в чем здесь дело. Умирают ли эти живот-

ные доисторической формации от страха или обладают железой внутренней секреции, внезапно отравляющей весь организм, — неизвестно. Умирают далеко не все: несколько гигантских ищериц, пойманных на островах Галапагос, свыше ста дней отказывались от пищи и тем не менее прибыли в Нью-Йорк здоровыми и сильными. Они не злы и даже играют, живя в неволе.

«Американ Уикли», Детройт.

РЫЧАЩИЙ ЭФИР

В течение долгого времени не могли выбрать характерных позывных сигналов для радиостанции в Бенаресе (Индия). По предложению одного из радистов, дирекция радиостанции утвердила в качестве сигнала подражание воинственному крику слона.

«Громкоговоритель», Франция.

ИСКУССТВО ПОДДЕЛКИ

Для нас произведения искусства — общественное достояние, неопенимая культурная и воспитательная ценность, принадлежащая государству и предназначенная для общего пользования.

В странах капитала произведения искусства — частная собственность, показатель богатства, предмет спекуляции.

Погоня капиталистов за предметами искусства, как за материальной ценностью, — людей, зачастую ничего не понимающих в их художественных достоинствах, — породила целую школу фальсификаторов произведений великих мастеров и организацию сбыта подделок взамен подлинных шедевров.

Об этом в парижском журнале «Ле монд иллюстрэ» с возмущением рассказывает французский искусствовед Луи Воксель:

«Подделка известных картин — дело не новое. Всем известна история мошенника, сбывшего в 1890 году за 35.000 франков грубую подделку картины Милле, попавшую в руки семьи Милле.

Где процветают мастерские подделки? Везде. Перуджини подделывают в Турине; специально одной брюссельской фирмы являются поддельные Гоббем и Рембрандт. При этом нельзя не отметить, что подделки отличаются высокой техникой: старинное дерево, полотно, рецепты красок — все сохранено.

Франция в этом смысле не отстает. В Реймсе и Париже изготовляют средневековые статуи. В Бурже и Лионе специализировались на Ренессансе. Флорентинская бронза XVI века подделывается в Париже на бульваре Бомарше. Старинная медь — в Елисейском пассаже изысканных искусств.

Подделки, — заканчивает автор, — будут существовать до тех пор, пока существуют подлинные произведения».

Мы позволим себе не согласиться с этим. Подделки будут существовать до тех пор, пока произведения искусства будут предметом спекуляции, торгашеской наживы и тщеславия денежных мешков.

Л. ЛАГИН

Рис. худ. С. Расторгуева

ЭТА ПРОКЛЯТАЯ история не дает мне все время покоя. И самое неприятное в ней то, что я по сей день не могу твердо сказать себе, произошло ли это странное происшествие во сне или наяву. Много фактов говорит с одинаковой убедительностью как за первый, так и за второй вариант.

Во всяком случае, это случилось совсем недавно. На улице стояла плотная, как стена, метель. Восьмой час был на исходе. Одинокие и слабые огни фона-

... На улице стояла плотная, как стена, метель...

рей пробивались сквозь густую пелену снега, как проблески далеких звезд. Боюсь утверждать, но кажется где-то были собаки.

Еле различая дорогу, больше ощущая, добрался я до фундаментальной колоннады консерватории, сдал на вешалку отяжелевшее от снега пальто, сбросил калоши и по широкой, уютной лестнице вошел в зал.

Тут я с удовольствием констатировал, что место мне попалось на редкость удачное — крайнее, около самой двери.

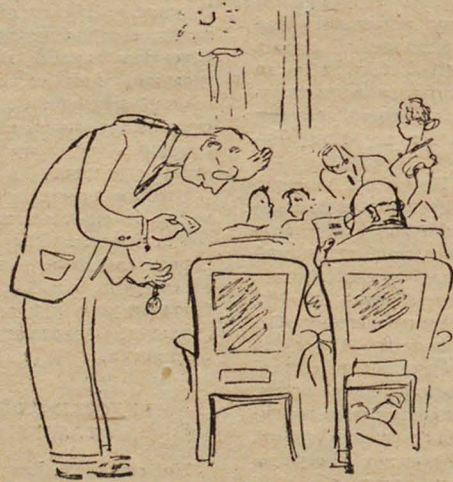
Конечно, речь идет не об особо удачных акустических свойствах боковых мест или, скажем, о том, что с этих мест всего удобнее следить за выражением лица дирижера. Просто — ближе к дверям, а следовательно, и к вешалке.

Вы, наверное, замечали на концертах удивительных людей, которые, вместо того чтобы пожимать глазами оркестр и дирижера, копошатся в партитуре исполняемой симфонии. Они следят с напряженным вниманием за каждой нотой, извлекаемой из многоликого и многоголосого оркестра властной рукой дирижера и сливают их с нотами, предусмотрительно принесенными с собой из дома.

Некоторые наивные люди смотрят на этих страстных меломанов с благоговением и даже священным ужасом. А зря.

Это очень обыкновенные люди — любители партитур. Просто по нотам видней, когда симфония подходит к концу. И вот, как только они видят по партитуре, что скоро симфония закончится, тут они в срочном порядке сворачивают в трубку свои ноты и быстрым шагом кидаются к дверям. Чтобы первыми прибежать к вешалке.

Конечно, на заре музыкальной жизни дело обстояло значительно проще. Взять хотя бы древних греков. У древних греков дело действительно обстояло очень просто. Приходили, например, тогдашние граждане в театр, чтобы послушать музыкальные состязания в честь некоего Аполлона Дельфийского. Поскольку наука в те времена не додумалась еще до изобретения калош и дамских ботинок, граждане спокойно сидели в сандалиях и выходных тогах, с головой окунувшись в море звуков. Если, предположим, несмотря на мягкий и влажный морской климат, было прохладно, граждане, выходя из дому, одевали разные там стеганные тоги, а которые древние

Место мне попалось на редкость удачное — крайнее, около самой двери...

греки были побогаче, напяливали на себя барашковые и даже пыжиковые тоги.

Театры в ту отдаленную пору были довольно открытые, и древнегреческие любители музыки в чем приходили, в том и сидели. Не до вешалок было в ту довольно дикую эпоху. Зато, когда и кончался тогдашний концерт, никакого шума или там, скажем, свалки тоже не было. Подойдут бывало древние греки величавой поступью к отличившимся музыкантам, возложат на ихние головы полагающиеся венки — и той же величавой поступью, тихо и смиренно, не толкаясь, разойдутся по домам..

Так вот, прихожу это я в Большой зал Московской консерватории и с удовольствием вижу, что место мне попалось удачное — у самых дверей.

... Они быстрым шагом бросаются к вешалке

Очень приятно. В скорости был дан последний звонок, и все мы, собравшиеся в зале, начали ждать появления на эстраде знаменитого и дорогого нашего заграничного гостя Джона Федотова (Рио-де-Жанейро), на обучение которого Саратовская государственная консерватория в свое время ухлопала не мало забот и денег.

И вот выходит на эстраду изящный гражданин в импортном фраке. В руках

... Возложат на их голову полагающиеся венки...

у него палочка. И это как раз и есть дирижер. Он стучит палочкой по пульту и высоко поднимает руки.

Прибегил гражданин с блестящей трубой невероятной величины...

Тут бы и политься широкой волной звукам «Неоконченной симфонии» покойного композитора Шуберта. Но звуков почему-то не последовало. Дирижер помахал, помахал руками и остановился. Оглядывает он с удивлением сцену и никого на ней не видит. Ни одного музыканта. Музыканты опоздали. Немного погодя — начали они собираться. Сначала один скрипач пришел, затем другой, третий. Задыхаясь, красный от спешки, прибежал гражданин с блестящей трубой невероятной величины, уселся и срочно включился в ансамбль. Между прочим, ансамбль пока что получался жидковатый.

Потом литаврист забежал на огонек и принялся настраивать литавры.

Одним словом, не прошло и каких-нибудь пятнадцати-двадцати минут, как собрался, наконец, полный состав оркестра.

Конечно без суетолоки дело не обошлось. Арфисту, например, пришлось пробиваться на свое место сквозь плотные и неприступные ряды работников деревянных и медных инструментов. Круглый, как колобок, флейтист долго встревоженным полетом спрашивал у соседей, не опоздал ли он, упаси боже, не сорвал ли он тем самым выполнение музпромпфинплана и не видал ли кто-нибудь, кстати, где завалились его ноты. И, наконец, в самую последнюю минуту явился отчаянно высокого роста контрабасист и громко, на весь зал, извинился перед дирижером.

— Простите, пожалуйста, Джон Джоныч, — никак не мог поспеть раньше. Трамвай...

— Простите, пожалуйста, Джон Джоныч, — сказал он, — никак не мог поспеть раньше. Трамвай...

— Пожалуйста, — благосклонно ответил ему заграничный гость на чистейшем русском языке, — с кем не случается. Трамвай, он действительно, тово...

Стоит ли передавать справедливое чувство возмущения, охватившее всех сидевших в зале.

— Безобразие, — кричали мы все и бешено затопали ногами. — Разве так относятся к музыке! Местком ваш где? Где ваша производственная дисциплина?

Но в общем все в скорости успокоилось, и давно ожидаемые звуки симфонии как и намечалось раньше, полились широкой волной...

Рядом со мной сидел пожилой гражданин, внимательно следивший за партитурой. И хотя мое место и было около самой двери, но предосторожность никогда не мешает. Исходя из этих соображений, я время от времени приглядывался к выражению его лица. И вот, как только я заметил, что блаженная улыбка восторженного меломана понемножку стала уступать место тревожным подергиваниям лицевых мышц для самого неш с ященного человека стало совершенно ясным, что концерт подходит к концу. Энергичным рывком я вскочил с места, чтобы ценою любых жертв пробиться к вешалке.

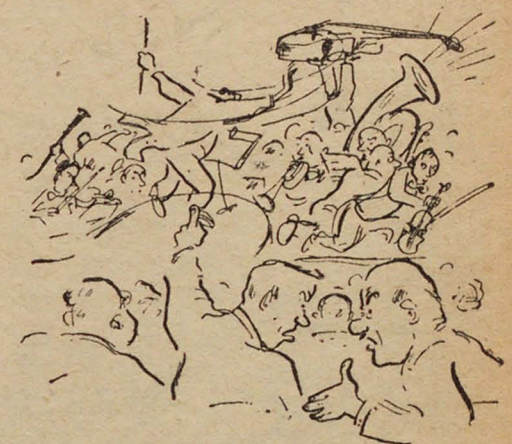
Стало совершенно ясным, что концерт подходит к концу...

Но тут совершенно неожиданное и, я даже сказал бы, небывалое в истории концертного дела обстоятельство настолько поразило меня, что я буквально ошарашен от удивления и возмущения.

Несмотря на то, что концерт еще не кончился, один за другим начали срываться со своих мест и убегать за сцену скрипачи, флейтисты, альтисты, тромбонисты. На полноте прервал свою игру один из восьми виолончелистов и, кое-как натянув чехол на свой громоздкий инструмент, бросился к двери, высоко держа над головой, как знамя, неуклюжее и легкое тело виолончели. Уже у самых дверей он был остановлен властным окриком дирижера. Приостановив на минуту игру оркестрантов, maestro попросил виолончелиста захватить на вешалке и его шубу и калоши. Виолончелист в знак согласия кивнул головой и мгновенно скрылся за сцену.

Оркестр таил на глазах у публики все прогрессирующей быстротой. Еще вот-вот он состоял из ста человек. Потом он стал насчитывать не больше семидесяти. Потом пятьдесят, тридцать, двад-

цать, десять. Скоро на сцене остался всего только квартет, превратившийся за несколько минут в трио, а затем и дуэт. Последние двадцать тактов симфонии исполнял соло один фаготист. Он добросовестно дул в свой верный инструмент,

Начали срываться со своих мест и убегать за сцену скрипачи, флейтисты, альтисты, тромбонисты...

и его гнусавый, несколько суховатый тенорок одиноко звучал на огромной опустошенной сцене.

Но вот настал последний такт, и фаготист что-то отчаянно крикнув дирижеру, сорвался с места и пропал в дверях.

Дирижер помахал еще немножко руками, но, убедившись в тщете своих усилий, сунул палочку в папку с нотами и быстро побежал за кулисы, не оборачиваясь на громкие свистки публики.

Он не имел оснований особенно доверять виолончелисту. Тот мог и забыть о данном ему поручении.

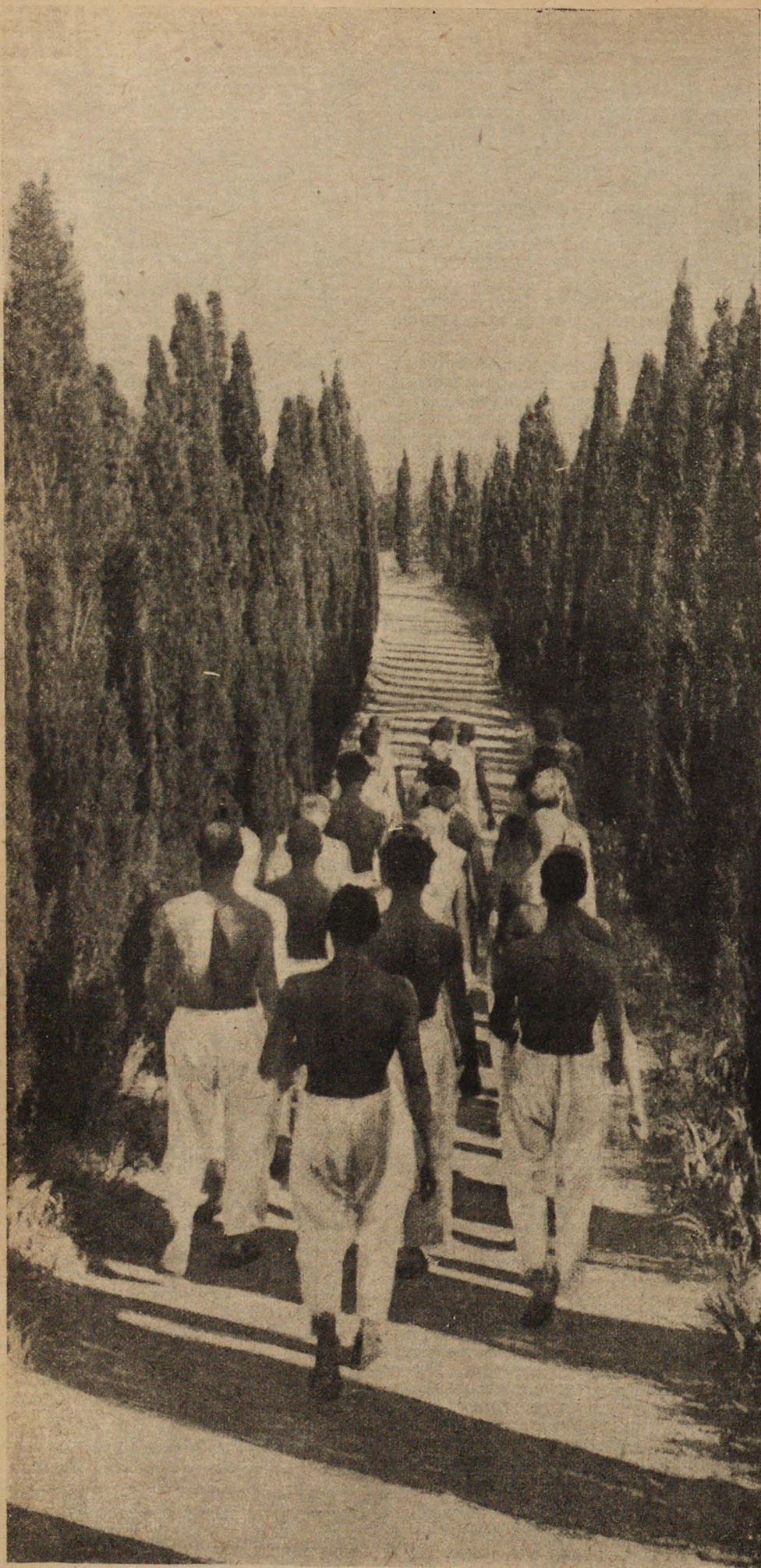
Все происшедшее на сцене было настолько непохоже на то, что я привык видеть в наших концертных залах, что я до сих пор не могу окончательно решить, — было ли это во сне или наяву.

Хотя, скорее всего это случилось во сне. Наяву я ни в коем случае не мог

Фаготист, что-то отчаянно крикнув дирижеру, сорвался с места и пропал в дверях...

бы увидеть, как разбежался под конец концерта оркестр, ибо никакие силы не могут меня удерживать в зале, когда концерт подходит к концу и дорога к вешалке еще свободна.

На вечеринке

Я слово «гражданин» давно
Средь слов других ловлю.
Какое звучное оно,
И я его люблю.
Давно родилось оно,
Но вновь, как ценный клад,
Нашлось —
Огнем обновлено
Французских баррикад.

* * *

Мы собрались
Горды вдвойне,
И весело споем.
Мы все — товарищи стране
И граждане ее.
Уходит в армию один,
Он хорошо подрос.
Красноармеец-гражданин,
Тебе наш первый тост.
Бери, товарищ командир,
Учи его стрелять,
И петь,
И видеть новый мир,
И даже умирать.
Я тост второй произношу,
И всех к окну зову...
Над этажами парашют
Спускается в Москву,
Так приземлился и вылезай
И в комнату шагни,
Летающий в наших небесах,
Советский гражданин,
Внизу,
Не двигаясь почти,
Любуясь на полет,
Глядит сквозь потные очки
Наверно счетовод,
Ведь он район исколесил,
Считая трудодни.
Его мы тоже пригласим —
Садитесь, гражданин.
Мы Маяковского прочтем,
Мы будем танцевать,
Повторим песни,
Запоем.
Давайте начинать,
Конечно ту, что веселей.
Припев у нас один:
— На крыльях родины своей
Мы высоко летим.
Все шире, делая круги,
Мы смотрим наклонясь,
Как ходят — по низу — враги
Намного ниже нас.
Как ходят по низу
Косясь,
А мы, — как высоки.
Как ходят по низу,
А нас —
Ведут большевики.
Так вот —
За доблесть на войне,
И каждый — за свое...
Мы все — товарищи стране
И граждане ее.

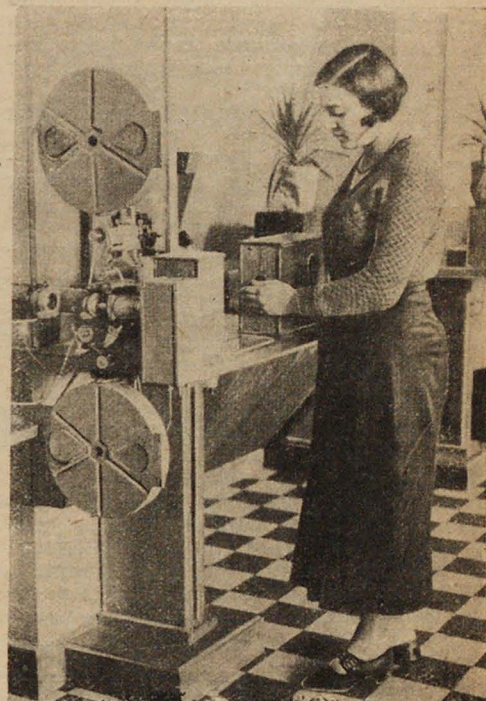
По Советскому союзу

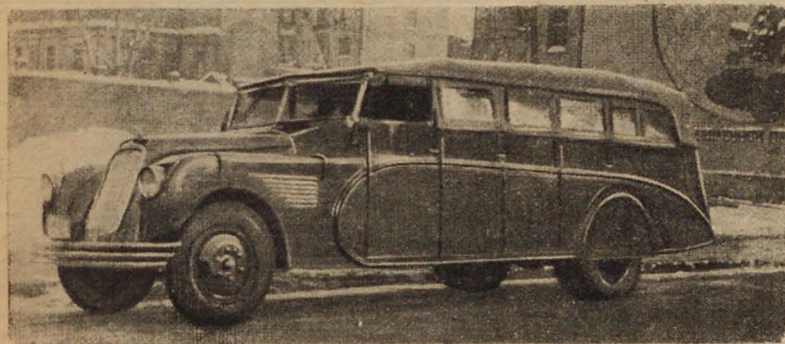
ЦИК ЗСФСР избрал председателем Центрального Исполнительного комитета ЗСФСР тов. А. С. Енукидзе.

В связи с избранием тов. Енукидзе на пост председателя ЦИК ЗСФСР, секретарем ЦИК Союза ССР утвержден тов. И. А. Анулов.

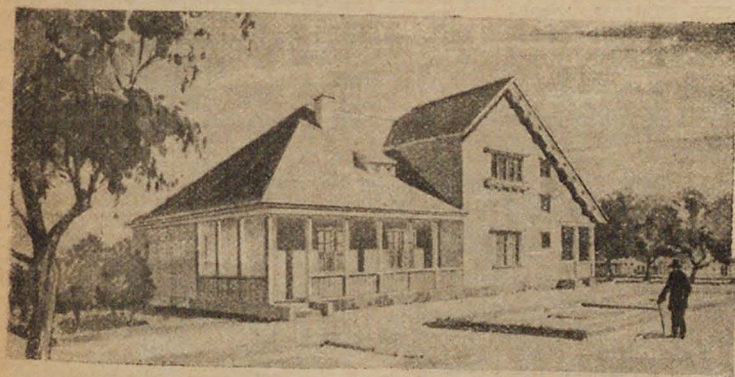
На снимках: тов. Енукидзе А. С. (вверху) и тов. Анулов И. А. (справа).

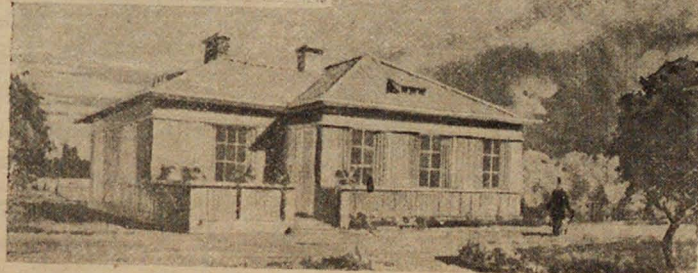
Интересная установка, наглядно иллюстрирующая возможность использования фотоэлементов в механизации и быту, показана на выставке наших достижений в Киеве. Посетительница выставки (см. снимок) закрывает рукой источник света, действующий на фотоэлемент, и этим самым заставляет автоматически работать киноустановку.

Интересный автобус на 27 мест сконструировал Автотракторный институт в Москве. Автобус обладает всеми удобствами для пассажиров. У кузова шесть дверей, что позволит пассажирам быстро входить и выходить из машины.

В нескольких городах коллективы архитекторов разрабатывают проекты колхозных жилых домов, театров, яслей и других построек. На наших снимках — проекты колхозных домов, разработанные бригадой архитекторов Киевского строительного института под руководством архитектора Шафрана. Вверху — проект двухквартирного дома, внизу — одноквартирного, из трех комнат.

Е. Н. Гоголева и М. Ф. Ленин, заслуженные артисты Малого театра, сдали недавно норму на звание воршиловского стрелка.

Фото СОЮ ФОТО

ДВАДЦАТЫЙ ГОД

— Мих. РУДЕРМАН —

ВЗВОД ГАРКАВЕНКО, преследуя офицерский заслон, захватил одного раненого добровольца. У этого, еще молодого, человека сейчас было лицо столетнего. На его плечах красовались погоны, нарисованные чернильным карандашом, и сквозь рукав гимнастерки проступала кровь.

— Я мобилизованный, — простонал он, — вот докумен-ы.

— Как быть с ним, товарищи? — спросил Гаркавенко у красноармейцев.

— Известно как, — сказал один из бойцов, смотря себе под ноги.

— Нет... постой, не трогай мобилизованного. В штабе разберутся, — крикнул Гаркавенко.

Взвод, захватив пленного, стал отходить к лиманам.

Красноармейцы были недовольны своим комвзводом. Они были не прочь тут же на месте отправить пленного в штаб Духонина. А Гаркавенко цацкается с офицером, как с писаной торбой. И всегда так: говорит, что он враг бессмысленного зверства. Вообще малопонятный и чудаковатый человек. Слишком часто чистит шинель и сапоги, часто пишет письма на родину в Полтаву, слишком аккуратно воюет. Здесь на фронте эта аккуратность казалась почти оскорбительной. Многие бойцы говорили о нем так:

— Нам божьих коровок в армии не надо. На фронте боец должен быть бойцом. Один кулак — подушка, другой кулак — одеяло, вот наша постель. Жалко нам смотреть на товарища Гаркавенко. Тихий он до неосознанности, прямо не человек, а тихое учреждение. Только не могут этого бойцы переносить. Ты нам здесь не занимайся входящими и исходящими, а веди нас на смерть, раз призваны мы пролить кровь за дело трудящихся.

— А что, товарищ Гаркавенко, — спрашивали его бойцы, — говорят по ту сторону наворочено проволоки в десять рядов по всей линии. Тебе не страшно, товарищ Гаркавенко?

— Страшно? А как же не страшно. Человек без страха мозоли не срежет. Только к страху привыкнуть надо. Поэтому после — легко и радостно человеку делается. Бояться страха не надо — тогда хорошо будет. А насчет проволоки, так мы порежем эту проволоку. Тут уж надо идти — не дать зимовать противнику. А страх этот ваш, нужный

страх. Для того и воюем, чтобы из-под страха выйти.

Взвод отходил в серо-зеленую степь, встречающую красноармейцев соленым дыханием ветра. От мелководных илистых заливов ветер нес запахи иода и соли. Степь была голой и тревожной. Исчезли населявшие ее зайцы и похожие на комья грязи хомьяки. Только гибкие ужи разворачивались и исчезали под ногами, как куски бегущей резины. Где-то тонко свистели кузнечики. Грязное солнце таяло в узких розово-лиловых сивашах.*

II.

Французские инженеры поработали на славу. Несколько линий проволочных заграждений в 12 колец каждая, глубокие окопы, приспособленные на зиму, пулеметные блокаузы, крепостная артиллерия, бетонированные и фланкированные постройки. Таковы были в ноябре двадцатого года врангелевские укрепления. С флангов — небольшие участки оборонительной ограды — добровольцы могли поражать противника боковым огнем. Это позволяло даже малочисленным офицерским отрядам наносить Красной армии большой урон.

Защитники Перекопа были настоящими ремесленниками войны. Это были хорошо одетые, легко управляемые и дравшиеся с храбростью отчаяния офицерские кадры. Особенно стойки были Корниловская и Дроздовская дивизии и бронированная кавалерия Барбовича, присоединившая к обычному вооружению пулемет, быстроходный броневик и бомбометный аэроплан.

В первых числах ноября Красная армия перешла в наступление в Перекопском, Чонгарском направлениях и в направлении Арабатской стрелки в тыл к противнику. У Чонгара, рядом с сожженным мостом, был другой, начатый постройкой и имевший настил только на небольшом участке с нашей стороны.

Было приказано соблюдать при переправе полную тишину. Густой туман прорезывали узкие пилы прожекторов.

В темноте, увязая ногами в илистом дне, люди работали под мостом, укрепляя устои. Крепчал резкий восточный ве-

тер. Вода прихлынула к мосту ледяным обжигающим рассолом. Молча проходили по мосту кавалерийские и пехотные части. Копыта коней и колеса оружийных запяжек были обернуты войлоками и тряпками. Вдруг снизу, из черной воронки ночи, послышался стон. Застонал красноармеец, терявший последние силы и видевший приближение соленого вала. На мосту засуетились. И вдруг, все увидели, как Гаркавенко, выбежав из строя, подлетел к краю моста. Человек внизу застонал снова. Он забыл обо всем, о себе, о товарищах, о притаившемся на другом берегу противнике. Любимый звук, услышанный добровольцами, вызвал бы смерч огня, извержение тысячи килограммов металла. Опять тишина. И опять застонал боец, охваченный нечеловеческим страхом.

— Замолчи ты, дьявол, — прохрипел Гаркавенко, вглядываясь в темноту. Но боец закричал громко, отчетливо, побави высоко и плаксиво.

Гаркавенко далеко отбросил винтовку и рухнул всем своим телом в темноту. Двух барахтающихся людей подхватила черная, грязная, как бы живая волна, бросила их с бешеной силой под настил. Все это длилось одно мгновение и снова наступило свинцовое и грозное безмолвие ночи.

Стрелки уже выбежали на берег и залегли в окопчик, плотно вжимая головы в землю. Заговорили шестидюймовые белых. Это был белый и золотой вращающийся столб огня. Орудия грохотали согласным и грозным грохотом. Люди стреляли, дрожа от истощенного желания конца, желания победы. Сила большая, чем они сами, кипела в них и делала каждый выстрел точным и расчетливым. Держа потными руками нагретое ложе винтовки, они были счастливы тем, что в каждой обойме была доля их молодой ненависти. С ног до головы их потрясала радость самозабвения, когда человеку становится непонятным страх.

Они стреляли, радостно замечая, как мечутся в окопах добровольцы. Бойцы бросали гранаты, бросали их с такой же яростью, с какой такие же как и они люди когда-нибудь бросят последнюю гранату в последних ремесленников войны.

В штабе Михаил Васильевич Фрунзе нагнулся над картой и спокойно приказал:

— Пропустите скорее конницу.

* Мелкие соленые озера.

Янна КУПАЛА

Народный поэт Советский Белоруссии

ТЕМ, КОГО ЛЮБЛЮ

Я Марусю люблю всех сильнее.

А Марыся еще мне роднее.

А по правде, они наравне
Одинаково дороги мне.

О судьбе их я складывал песни
Еще раньше грозы нашей вешней,
И теперь, на яву и во сне,
Они обе со мною, при мне.

Чуть дымок я увижу фабричный,
Чуть я колос увижу пшеничный,
Мчатся думы, шумят об одном,
Все о тех, кто мне дорог давно.

Я песок золотой им под ножки
Рассыпал бы на каждой дорожке,
Подстилал бы им солнце в пути,
Чтоб им легче до счастья дойти.

Навсегда свое сердце я отдал
Черноглазой Марусе с завода.
Я бы сплел ей из лилий венок,
Я б одел ее в бархат и шелк!

Навсегда в моем сердце заноза —
Синеглазка Марыся с колхоза.
Я бы сплел ей из лилий венок,
Я б одел ее в бархат и шелк!

Авторизованный перевод с белорусского
Сергея ГОРОДЕЦКОГО

ПРОТИВ РАСПРАВЫ С РАКОШИ. Рабочая демонстрация в Вашингтоне перед зданием венгерского консульства. Рабочие несут плакаты, протестующие против белого террора в Венгрии.

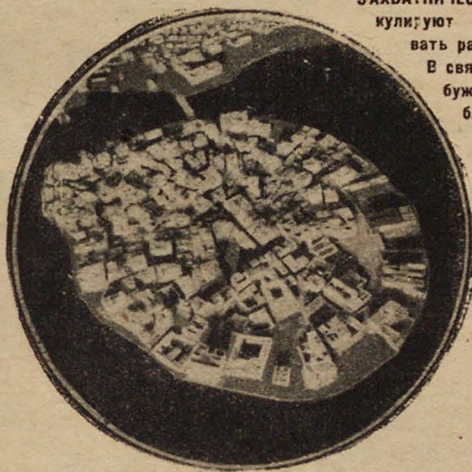
За рубежом

ЗАХВАТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ. С недавнего времени в Шанхае циркулируют настойчивые слухи о том, что японцы собираются оккупировать район Чапая и превратить его в японскую концессию. В связи с этим среди населения Чапая царит чрезвычайное возбуждение. Недавно японцы начали подготовку к военным маневрам близ Чапая, что вызвало бегство жителей Чапая. По требованию китайских властей японцы отказались от маневров. На снимке: японский войсковой отряд на параде.

В ПОГОНЕ ЗА ОРИГИНАЛЬНОСТЬЮ. На английской промышленной выставке среди прочих экспонатов обращает на себя внимание детская коляска обтекаемой формы.

МЕРТВЫЙ ГОРОД. На берегу Красного моря, в англо-египетском Судане, находится город Суаки. В 1905 году население города едва достигало 10.000; ныне же, в силу различных экономических причин, город опустел. Жизнь в нем совершенно замерла, и снимок, сделанный с самолета, дает впечатление игрушечного макета, а не жившего некогда оживленной жизнью порта, вывозившего хлопок.

СТУДЕНТЫ - ПЕКАРИ. В Венгрии наблюдается большая нужда среди учащихся высшей школы. В связи с этим Будапештский студенческий союз открыл пекарню, в которой работают исключительно студенты в „свободное от занятий время“.

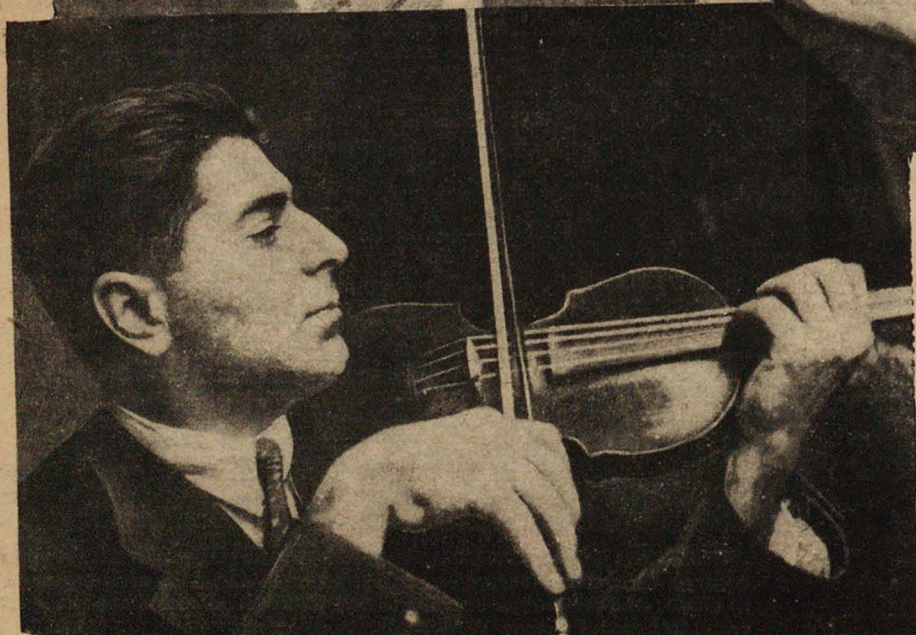
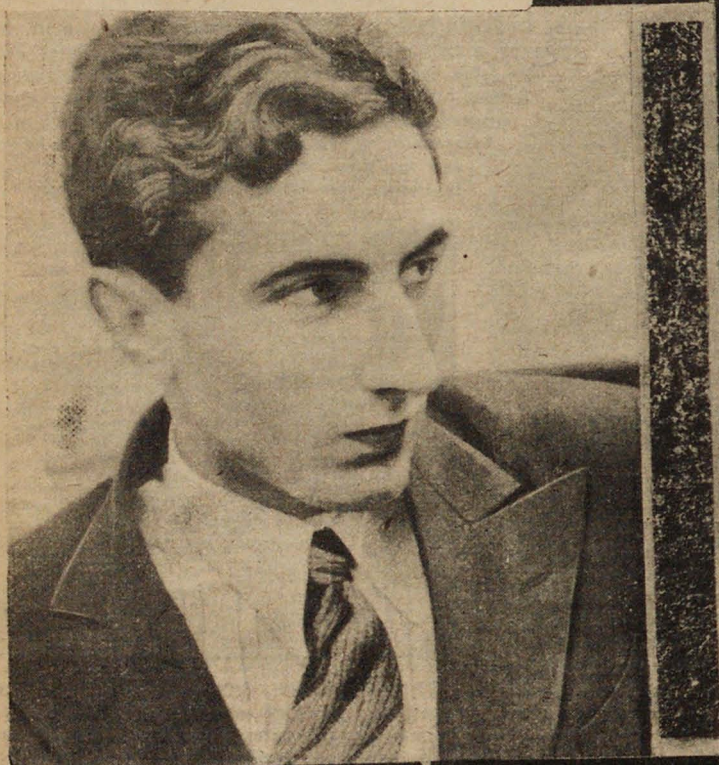
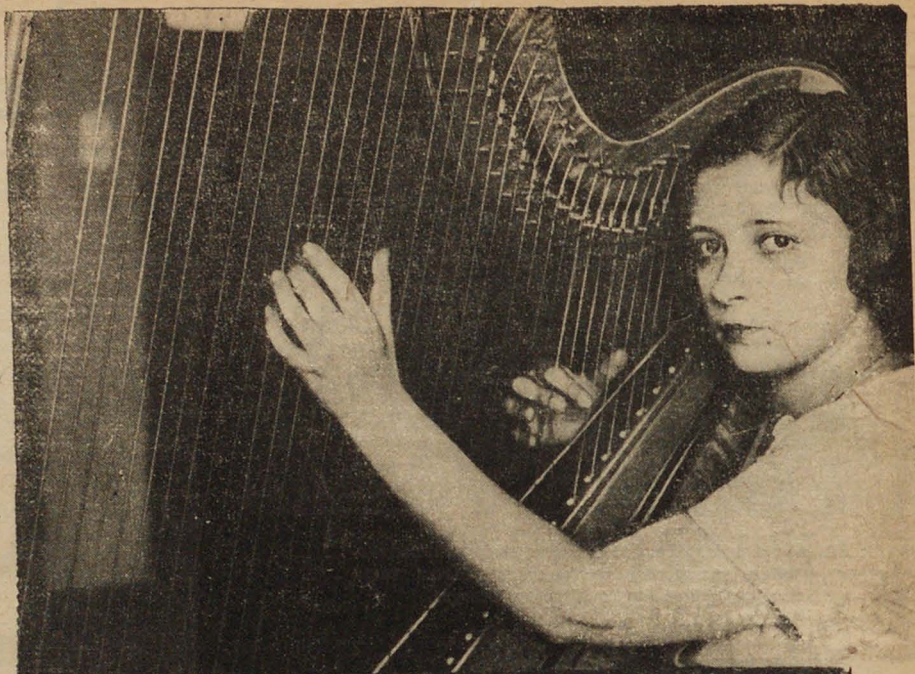
ОБИЩАНИЕ ФЕРМЕРОВ В США. В США проводится государственное регулирование размеров посевной площади, отведенной под хлопок. Это приводит к потере фермерами своих участков и к их разорению. На снимке: митинг белых и черных фермеров в Харрисбурге. На митинге вынесена резолюция — потребовать немедленной государственной помощи фермерам, находящимся в крайней нужде.

ФАШИСТСКИЕ ДРУЖИНЫ США. В связи с ростом рабочего движения в США, буржуазия формирует фашистские кадры в виде вспомогательных отрядов внештатной полиции. На снимке: фашистские дружины, принимавшие участие в кровавом подавлении забастовки металлургов в городе Эрльберти (штат Миннесота).

МОЛОДЫЕ ЛАУРЕАТЫ

В Ленинграде прошел второй Всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей. Двести двадцать лучших молодых мастеров были посланы на конкурс республиками и отдельными областями Советского Союза. Предварительно кандидаты на всесоюзное соревнование прошли местные отборочные комиссии. Лучшие пианисты, певцы, скрипачи, кларнетисты и другие исполнители продемонстрировали свое искусство перед лицом требовательного

жюри. Результаты конкурса блестящи. Успехи исполнителей показали, как быстро крепнут советские музыкальные школы, воспитывающие прекрасных мастеров.

На снимках: Я. Флиэр (Москва), получивший первую премию по секции пианистов (в середине слева), альтистка Вера Дулова, награжденная первой премией по секции арфы (вверху), пятнадцатилетняя скрипачка М. Козуллова, московская пионерка, награждена второй премией по секции струнных инструментов (справа) и скрипач Габриэлян (Армения), получивший вторую премию (внизу).

К партсъезду первой революции

„Съезд для организации войны“

Март 1905 года был для большевиков месяцем подготовки к третьему партийному съезду — партсъезду первой революции.

„В России шла ажитация за III съезд. Новый съезд стал прямо необходим“ (Крупская, „Воспоминания о Ленине“).

Ленин считал, что: „съезд должен быть прост, короткий, немногочисленен. Это съезд для организации войны“.

„Большевики открыто и прямо ставят вопрос о восстании, подготовке к нему... Меньшевики виляют, отговариваются от задач восстания“ (Ленин).

„Явное большинство было за большевиками. И поэтому меньшевики на съезд не пошли, а своих делегатов собрали на конференцию в Женеве“

(Крупская).

„В деле организации III съезда большевиков принимает активное участие Сталин“ (Товстуха).

События 21—31 марта 1905 года

Выпуск царского займа в 200 миллионов рублей на покрытие расходов по войне. — Залп по безоружной толпе рабочих в Варшаве. — Забастовка на фабрике Торнтон. — Анархистом Окржейем смертельно ранен на улице варшавский обер-полицейский барон Нолькен. — На осадном положении объявлены Потти, Кутаис, Батум. — Мария Спиридонова приговорена к смертной казни через повешение. — Волнения запасных в Николаеве. — Разгром тюрьмы в Ялте. — Понижение на бирже в связи с выпуском военного займа.

„Как мыши ката хоронили“

В разворачивающейся революционной ситуации 1905 года, в борьбе за III съезд партии, еще яснее проявилась связь с рабочим классом, жизненность большевизма во главе с Лениным, о котором лидер меньшевиков Мартов накануне 1905 года писал, что Ленин... „политически умер“.

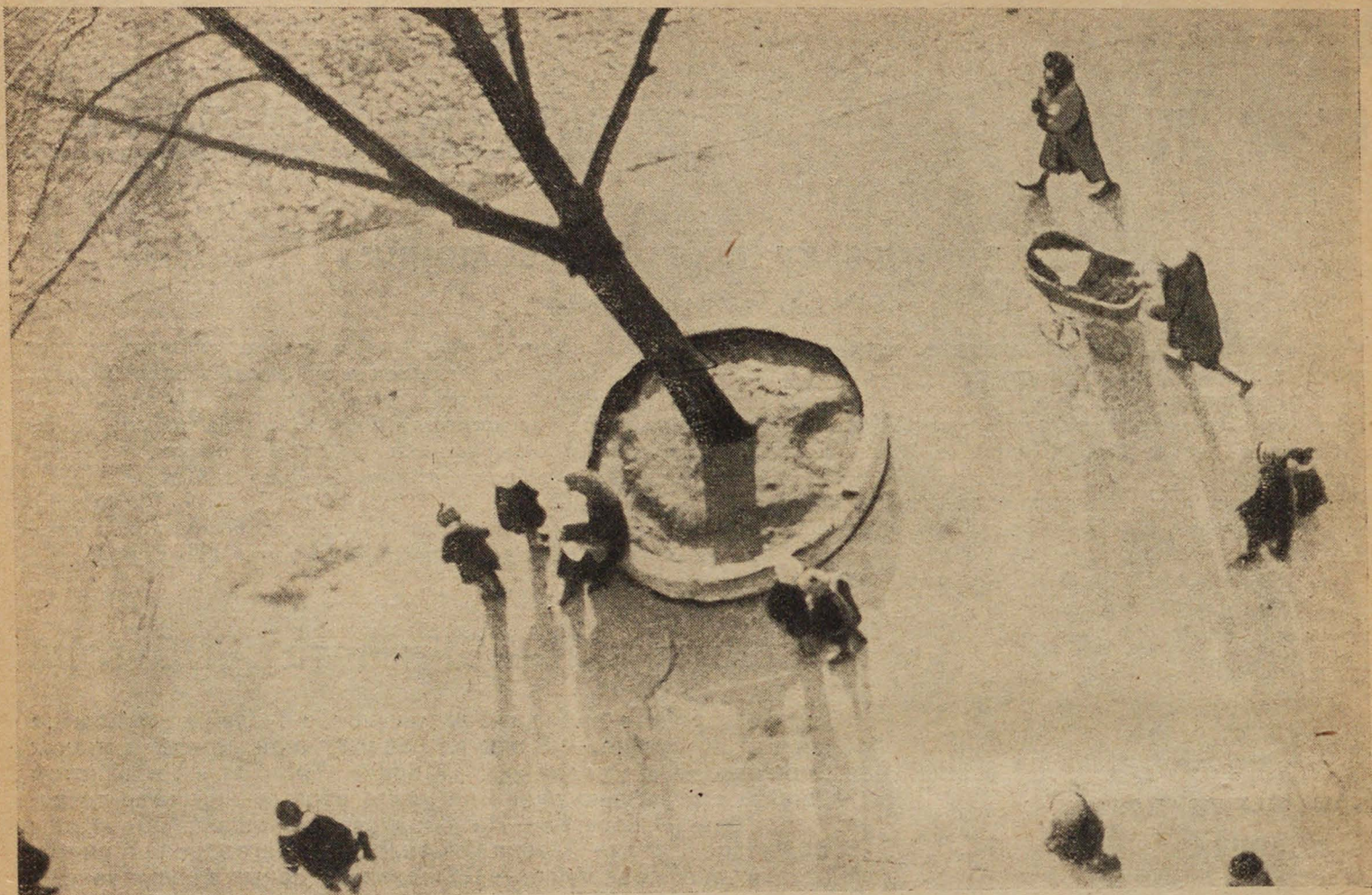
Иллюстрируя период истории партии, предшествующий III съезду, период подготовки к нему, Музей Революции СССР демонстрирует направленную против меньшевиков карикатуру т. Лепешинского „Как мыши ката хоронили“. Лядов рассказывает в своих воспоминаниях историю этих получивших известность в партийной истории карикатур: „На каждый номер „ИСКРЫ“ с клеветой против Ленина мы отвечали веселой карикатурой, доводившей до белого каления меньшевиков“.

„Мы ежедневно собирались в столовой Лепешинских, во время обеда коллективно придумывалось содержание и текст карикатур, которые затем мастерски исполнял П. Н. Лепешинский. Здорово мы хохотали тогда над этим занятием. Ильяч громче и заразительнее всех. Так возникли „В участке“, „Как мыши ката хоронили“.

Насколько эти карикатуры выводили противника из равновесия, видно из того, что „жена Плеханова пригрозила, что Плеханов может вызвать на дуэль автора. Сколько шуток отпустили мы после этого в нашей столовке...“ — вспоминает т. Лядов.

„КАК МЫШИ КАТА ХОРОНИЛИ“. Карикатура П. Н. Лепешинского (1904 г.). Карикатура является ответом на статью Мартова, утверждающую, что Ленин отныне „политически умер“. Первые две части карикатуры изображают ликование мышей (меньшевиков) над „мертвым“ котом (В. И. Лениным), третья часть — печальный конец тризны. Мыши: Плеханов, Мартов, Аксельрод, Троцкий, В. Засулич, Дан, Потресов, Инна Сидович.

Ранняя весна

Фото ДОРОФЕЕВА

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

УГОЛОК ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ НАУКИ

1. Живой портрет

Иллюзия, описанная Гоголем, не выдумана: портреты, где глаза нарисованы так, что словно следят за наблюдателем, безусловно существуют.

Это явление имеет весьма простую причину. Лицо на портрете изображается обращенным к вам с устрем-

ленными на вас глазами (зрачки обязательно посредине глаз); если вы, отойдя в сторону, вновь взглянете на портрет, то увидите, что положение лица по отношению к вам не изменилось. Портрет — плоская картина, и перемещение точки зрения не меняет его вида, а живое лицо, рассматриваемое сбоку, может сохранить прежний вид только будучи повернутым в вашу сторону. Если портрет хорошо выполнен, эффект получается поразжающий.

2. Дом-двойник

В Москве должно найтись даже не два, а много домов с совершенно одинаковым числом жильцов. Причина та, что домов в Москве гораздо больше, чем жильцов в самом многочисленном доме: жилых домов приблизительно 51 тысяча, жителей же в самом большом доме не свыше трех тысяч. Поэтому

численность населения различных домов неизбежно должна повторяться: не может же быть 50 тысяч различных целых чисел, каждое из которых меньше 3 тысяч.

На подобном же основании можно смело утверждать, например, что на свете не мало деревьев с одинаковым числом листьев.

3. Полет аэроплана

С самолетом произошло то, что и надо было ожидать. Вспомним, что все меридианы сходятся к северному полюсу. Поэтому, понав в северные широты и пролетев там по параллельному кругу на восток 200 километров, самолет прошел на восток больше градусов, чем потом, очутившись южнее, когда он пролетел столько же километров в западном направлении. Поэтому самолет и не попал на тот самый

меридиан, с которого начал путешествие: он не долетел до точки отправления и снизился восточнее ее.

4. Куда впадает Волга?

Вопрос о том, которая из двух сливающихся рек должна считаться главной и которая ее притоком, решается не на основании длины рек или их ширины, а по количеству приносимой ими воды. Ока или Волга приносит к месту слияния больше воды в час? В настоящее время это еще не установлено в точности. Поэтому в гидрографии остается пока открытым вопрос, Ока ли впадает в Волгу или Волга в Оку. Другими словами, нельзя считать бесспорным, что Волга впадает в Каспийское море; возможно, что впадает в это море не Волга, а Ока; Волга же впадает не в море, а в Оку.

ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕРДЦА ПРИ СТАРЧЕСКОЙ СЛА- БОСТИ или ДРЯХ-

ЛОСТИ, ОСЛАБЛЕН-
НОЙ НЕРВНОЙ
СИСТЕМЕ И КАК
ОБЩЕЕ ТОНИЗИ-
РУЮЩЕЕ СРЕДСТВО
применяется
СПЕРМОЛЬ
(ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕ-
ННЫХ ЖЕЛЕЗ/Б КАЛ-
ЛЯХ, ТАБЛЕТКАХ ДЛЯ
ПОДКОЖНОГО ВПРЫСКИВАНИЯ)

ПРИ УПАДКЕ СИЛ УМСТВЕННЫХ И ФИЗИЧЕСКИХ, при БОЛЕЗНЯХ СПИННОГО И ГОЛОВНОГО МОЗГА

применяется
Фосфрен
(Фосфор для мозга) В ТАБ-
ЛЕТКАХ. СОДЕРЖИТ ФОСФОР,
ЛЕЦИТИН, ЖЕЛЕЗО, КАЛЬЦИЙ И ДР.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНГИГ-
ЕНЫ СССР. ПРИ ОТСУТСТВИИ НА МЕСТАХ ВЫСЫЛАЕТСЯ
ПОЧТОЙ ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКА.

Жарыков, ул. Артема, 12
ВСЕУКРАИНСКОМУ ИНСТИТУТУ ЭНДОКРИНОЛОГИИ

ПРИ СЕРДЕЧНОЙ АСТМЕ, ПРИ ГРУДНОЙ ЖАБЕ и ПРИ УТОМЛЕНИИ

СЕРДЕЧНОЙ
МЫШЦЫ
применяется
МИОЛЬ
(МУСКУЛЬНЫЙ
ЭКСТРАКТ)

ПРИ МАЛОКРОВИИ И СВЯЗАННОЙ С НИМ ОБЩЕЙ СЛА- БОСТЬЮ

применяется
**Ферро-
фитоль**
железо с
фитином
клинически
испытан

РАЗБОРНЫЕ МОДЕЛИ

1. Паровая машина с
описанием — 4 р.
2. Двигат. внутрен. сгора-
ния (дизель) — 5 р.
3. Автомобиль (только
модель) — 4 р.
Модели воспроизв. в 7
красках полную конст-
рукцию машины.
Разм. модели 24x34 см.
Высыл. по получ. задат-
ка 50%. Зак. и деп. на-
правл. Ленингр., Теат-
ральная пл., д. 232, кв.
21, автору инженеру
Я. Ф. Альтшуллер.

ПОРТРЕТ

худож. увесел.
можно получить, прислав
любую фотокартонку.
Разм. с паспорту 52x40
черный—25 р., в тоне се-
пий (коричневый)—35 р.,
разм. 44x53 черн.—50 р.,
коричневый—65 р. с упа-
ковкой и пересылк. Ис-
полнение быстрое и ак-
куратное. Задаток 50%.
Адр. для п. с. м. и денег: Нос в 3,
п. т. яш. № 86, Ф. О. Ар-
М. Рубинштейн.

ПРАКТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ПО МЕТАЛЛОБРАБОТКЕ

(слесарное дело, никелирование,
лужение, свинцевание, уход за
мотором, за станками, окраска ме-
таллов, штамповка, гальванотех-
ника и др.), состоящая из 20 по-
пулярных книг лучших авторов и
содержащая много практических
рецептов, схем, чертежей, рисун-
ков и проч. стоимостью 20 руб. с
пересылкой и упаковкой высылает-
ся наложенным платежом: Лен.
Од. КОИЗ. Ленинград, 11, Гос-
тинный двор № 127, 0.

КНИГИ ПО ОХОТЕ

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА:

Новейшие книги по вопросам: ружье,
собака, капканы, чучела, охота о
перу, охота на зверей и т. д. Авторы:
Бутурлин, Каверзнев, Зворыкин, Ра-
хманин и др. в количестве 15—20 экз.
ценою 15 р.— высылается наложенным
платежом. Лен. Од. КОИЗ. Ленин-
град, 11, Гостинный двор, Суворовская
линия, магазин № 127, 0.

Лучшее использование отпуска

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СССР

О вом Пролетарского Туризма и Экскурсий открыта
запись в 1935 г. на следующие маршруты:

Кавказ, Крым, Алтай, Беломорканал, Ленинград, Куз-
басс, Озеро Селигер, по Днепру, по Черному морю.
Продолжительность маршрута от 5 до 22 дней.

Стоимость от 70 до 415 рублей, в которую входит:
питание 3 раза в день, кровать с постелью, белье,
культ-экскур. обслуживание, внутримаршрут. транс-
порт.

3 АППИСЬ организаций, групп и одиночек производ-
ителей: Москва, 12, Ветшинный пер., 9. Сектор записи
ОТХ ЦС ОПТЭ. Ленинград, ул. Пестеля, 9, Кон-
тора записи ОТХ ЦС ОПТЭ, Иваново, Батуриная,
8, клуб БИМ, Контора записи ОТХ ЦС ОПТЭ, Горь-
кий, ул. Свердлова 2 ф. Раброра, к-ра зап. ОТХ ЦС
ОПТЭ, Минск ул. Урицкого и К. Маркса, 118.
К-ра записи ОТХ ЦС ОПТЭ. Запросы высылать толь-
ко с оплаченным ответом.

МАТЕМАТИКА для ТЕХНИКОВ

Состав. Г. Б. Гуревич, В. С. Кудинов,
и др. Под общ. ред. проф. Н. А. Бес-
сонова.

Алгебра, геометрия, тригонометрия и нача-
ло высшей математики в одной книге. В кон-
це каждого раздела приложены упражнения
(задачи и вопросы для самопроверки).
1934 г. 691 стр. Цена в перепл. 8 р. 60 к.

СЛОВАРЬ

НЕМЕЦКО-РУССКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
36000 слов из основных областей техники. Со-
став. А. и Л. Эрасмус. 3 изд. испр. и до-
полн. 1934 г. 11482 стр. в перепл. 5 руб.
Высыл. налож. плат. Перес. за счет заказчика.
Адрес для заказов: Ленинград д. 104 «Меж-
дународная книга».

Продолжается прием подписки на 1935 г.

„СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ“

Ежемесячный научно-популярный журнал о субтропиках
и о жизни на юге нашей страны.

«СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ» мобилизует творче-
скую научно-производственную мысль для ос-
воения субтропиков СССР на основании дирек-
тив партии и правительства в области соци-
алистической реконструкции субтропического
хозяйства страны. Содействует внедрению в про-
изводство совхозов и колхозов достижений со-
ветской и мировой науки и прикладных, опыта.
«СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ» освещает вопросы:
экономики, организации хозяйства, райониро-
вания, агротехники, защиты субтропических рас-
тений, интродукции, селекции, агробиологии,
климатологии, технологии и физиологии суб-
тропических культур, механизации, борьбы с
потерями и т. д.

В программу журнала входит также освещение
иностранных опыта (с критической оценкой),
информация и хроника заграничной и советской
науки, библиография, освещение жизни субтро-
пических хозяйств, научно-исследовательских
учреждений, вопросов кадров.
В журнале принимают участие лучшие
силы ученых и специалистов центральных
и местных научно-исследовательских учреждений.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Подписная цена: 12 мес.—0 р., 6 мес.—15 р.
3 мес.—7 р. 50 к. Цена отдельного номера—3 р.

Подписка принимается: Москва, Г.
Стрельца й бль р 11. Ж-рабобед неи м, и струнто-
раи и у оли м чснныи И. р. за и повсе-стно по той
и стделенныи с юспочти. КУРТАЗБЕДИНИЕ

ГРИМ, ПАРИКИ, ПЬЕСЫ

МАГАЗИН, ЛАБОРАТОРИЯ И МАСТЕРСКИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО О-ВА

ГРИМ И ГРИМИРОВАЛЬНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Номер грима бр	480	Сухие ружья в пошнз	1 10	Тушь/лб в ян р нц	5 40	Губы я помада в ко об.ах	1 30
Номер м. в карт н. нр.	3 95	Паста для ния г. н.а	1 10	(чегн. цвет)		Лак для лзкн п.ин в	75
Номер грима / карт н. ш.	5 40	Газ ржн	75	Кржн. для бр вей и рес-	7 20	Пуар м.р	2 40
Т на гр. в а: нд. №1, 2, 3	1 0	К н ш уля гроев в		н ц		Пуар б/з	3 40
Тон грима в на андашх		(ма н. по. (ср.)		Гуна помада в бумажн.	1 10	М са д.з.з.в.е.я.ф.	1 0
стальн. цвета	— 95	то кч. шатн)	1 25	пен.		м.н.сз	
				Гуна помада в б.ч.у.х	95	Р.стухеи для гр. а	— 1.
ПАРИКИ И ДРУГИЕ ВОЛОСЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ							
П р г редс ей (1 шу а)	48 50	П р к да ск. п.п. ч.	77 —	Кнепе	1 75		
гусий	48 50	— с рес.	90 —	Подбор д.н	— 75		
лыый	30 50	гслий чупеи	15 —	Шеи	7 —		
бо ржн	1 75	дамс. на ладн	29 —	Ном	— 60		
«трижн»	75 50	Еоудя сльш. резм.	7 —	Т нсформаци б/р	12 —		
п р в ий	30 75	«седи»	4 —	« /р	10 —		
мдсррр ит	148 —	мел.	3 —	м.р	7 50		
мужск. ф.з.	6 50	Ум	1 50	Т ан ф. ноз, у.м, ч.ч.и	8 50		
длс.с.	68 50	Гати	3 —	Оч.и	7 —		

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

В худож. издании—либретто: «Егор Булычев и другие», М. Горького цена 2 р.
В роскошном издании—плакат руководство кружковцами «Как гримироваться»
в 2 сериях. Цена каждой серии 2 р.

Билетные книжки для клубов и кино. Цена книжки (500 билетов) — 1 р.
Заказы на сумму до 100 руб. высылаются по получении полной стоимости
заказа, свыше 100 руб.— по получении 50%.

Заказы наложенным платежом не высылаются
Заказы адресовать: Москва, 9, Советская пл., 28/0, магазин ВТО.
Горький, ул. Свердлова, 10, Театральный магазин ВТО.

является одним из лучших химических
средств для ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
БЕРЕМЕННОСТИ

РЕКОМЕНДОВАН ЦЕНТР. НА-
У. Н. КОМ. НКЗ ПО БОРЬБЕ
С БОРТАМИ.
1-я фабрика Пр.фил. пре-
парато. НКЗдрава
При отсутствии на мес-
тах обращения: Москва
ул. Горького маг. Сан-
гигиены «Хи.фармторг»

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И ОТДЕЛАХ
САНГИГЕНЫ ГОСТОРГОВЛИ И
КООПЕРАЦИИ

Цена 25 коп.

Весной оживают берега Крыма. Один за другим открываются санатории и курорты. На шоссе появляются автобусы с первыми партиями отдыхающих

Фото И. ШАГИНА